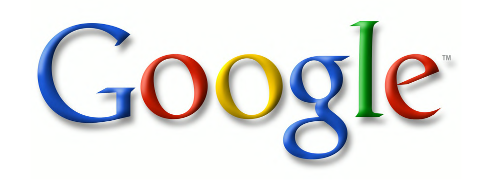

Grushevskii, M.

Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи. 1907.

JE SUIS CE QUI A ÉTÉ
CE QUI EST ET CE QUI SERA
ET NUL MORTEL N'A ENCORE LEVÉ
LE VOILE QUI ME COUVRE
Hoover War Library
Russian Revolution Institute

Проф. Мих. Грушевскій.

Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи.

(Нѣсколько иллюстрацій къ вопросу: автономія областная или національно-территоріальная).

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1907.

Проф. Мих. Грушевскій.

Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи.

Нѣсколько иллюстрацій къ вопросу: автономія областная или національно-территоріальная).

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1907.

СОДЕРЖАНІЕ.

для культурнаго развитія украинской и польской народности (стр. 52); положеніе учениковъ-Русиновъ въ польскихъ гимназіяхъ (стр. 53); тяготѣнія украинскаго населенія къ украинскимъ гимназіямъ (стр. 55); потребность въ украинскихъ среднихъ школахъ (стр. 59); противодѣйствіе со стороны польскихъ круговъ (стр. 60).

V. Отношеніе польскаго сеймового представительства къ русинамъ въ цифрахъ. Общія замѣчанія о польско-украинскихъ отношеніяхъ (стр. 62—74).

Ассигновки на польскія и русинскія цѣли, какъ показатель отношеній (стр. 63); полонизирующій характеръ „автономическаго" управленія Галиціи (стр. 65). Значеніе польско-украинскихъ отношеній Галиціи, какъ показателя (стр. 66); аналогіи въ отношеніяхъ западной Украины въ Россіи (стр. 68); симптомы польско-украинскихъ отношеній въ Россіи (стр. 69) и дезидераты относительно ихъ (стр. 71).

I.

Галиція—ея политическія, соціально-экономическія и національныя отношенія—представляютъ крупный интересъ для всякаго, интересующагося вопросами политической и соціальной перестройки Россіи. Составляя непосредственное продолженіе областей, входящихъ въ составъ Россіи—т. н. Югозападнаго края и Царства Польскаго, и до сихъ поръ, послѣ почти полуторавѣковаго отдѣленія отъ нихъ сохраняя очень много сходства или близкихъ аналогій, очень много общаго и тождественнаго съ условіями этихъ областей Россіи,—она вотъ уже почти полвѣка живетъ въ условіяхъ конституціонной жизни. Участвуетъ въ общей парламентской жизни государства, имѣетъ областную автономію, пользуется—de jure по крайней мѣрѣ всяческими „равноправіями" и „гарантіями" общественнаго и экономическаго развитія. И въ высшей степени интересно и поучительно слѣдить за сочетаніями этихъ конституціонныхъ формъ и факторовъ съ условіями старой жизни—какъ искажались принципы конституціоннаго строя на почвѣ старыхъ сословныхъ и національныхъ отношеній, какъ обращало ихъ въ пустой звукъ господство традиціонной польской „общественной іерархіи", оставшейся безраздѣльнымъ господиномъ края, и какъ, какими дорогами

шло въ борьбѣ съ нею оппозиціонное движеніе обдѣленныхъ массъ и непривиллегированныхъ народностей.

Галиція прославилась крайними злоупотребленіями, извращеніями конституціонныхъ формъ, крайнимъ напряженіемъ національной борьбы, парализующей всякое культурное и экономическое движеніе ея. Для всѣхъ, интересующихся проблемою политическаго и соціальнаго обновленія Россіи, весьма полезно принять къ свѣдѣнію моменты, подъ конституціоннымъ режимомъ приведшіе къ этимъ печальнымъ явленіямъ край, поставленный въ столь аналогическія условія съ Западною Россіею, и использовать политическій опытъ Галиціи для предстоящаго переустройства Россіи, въ особенности—ея западныхъ частей. Не имѣя намѣренія исчерпать всѣ причины тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ живетъ населеніе Галиціи, я укажу только нѣкоторые „уроки“, какіе даетъ она устроителямъ будущихъ отношеній Россіи.

Самъ конституціонный режимъ, безъ улучшенія соціально-экономическихъ условій существованія народныхъ массъ, при наличности всего наслѣдства старыхъ сословныхъ, феодальныхъ отношеній, принесъ весьма мало пользы населенію.

Теоретическое признаніе равноправія народностей безъ всякихъ серьезныхъ мѣръ къ обезпеченію нестѣсняемаго культурно-національнаго развитія и самоопредѣленія для народностей политически и экономически обдѣленныхъ и къ защитѣ ихъ отъ притязаній народностей, занявшихъ привиллегированное положеніе, лишь обострило національную борьбу и затормозило экономическое и культурное развитіе края.

Широкая областная автономія, съ устраненіемъ почти всякаго вліянія центральнаго управленія, служитъ только къ укрѣпленію вліянія господствующихъ классовъ и эксплоатаціи ими экономически и политически обдѣленныхъ, если она не основана на широкихъ демократическихъ началахъ, не гарантируетъ широкаго контроля надъ органами самоуправле-

нія и отвѣтственности администраціи, находящейся подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ тѣхъ же привиллегированныхъ группъ, въ рукахъ которыхъ находится самоуправленіе.

Областная автономія въ областяхъ, составленныхъ изъ разноплеменныхъ территорій, должна уступить мѣсто автономіи національно-территоріальной, если не желаетъ служить эксплоатаціи слабѣйшихъ народностей сильнѣйшими; принципъ исторической группировки территорій рѣшительно долженъ дать мѣсто группировкѣ этнографической.

Предлагаемыя статьи имѣютъ въ виду дать матеріалъ для уясненія этихъ положеній, главнымъ образомъ въ приложеніи къ Галиціи Восточной, украинской (русинской), которой собственно принадлежитъ это имя и которая, главнымъ образомъ, является ареною національной польско-украинской борьбы, почти не затрогивающей Галиціи западной (польской) [1]. Людямъ, интересующимся какъ общими вопросами будущаго устроенія Россіи, такъ и частнѣе—вопросами національныхъ и соціально-общественныхъ отношеній сѣверо-и юго-западной Россіи, такъ много аналогій представляющихъ съ отношеніями Галиціи,—эти матеріалы могутъ сослужить хорошую службу. Это соображеніе заставляетъ меня повторить изданіе этихъ статей теперь, черезъ два года послѣ ихъ появленія, въ нѣсколько измѣненной формѣ.

Поводомъ къ написанію ихъ послужила статья, появившаяся въ одной изъ кіевскихъ газетъ [2]) и имѣвшая цѣлью, по словамъ ея автора, устранить „весьма обидное для Поляковъ мнѣніе о производимыхъ ими притѣсненіяхъ Русиновъ“ и „способствуя выясненію

---

1) Западная Галиція, старое Краковское воеводство, при присоединеніи къ Австріи было совершенно механически соединено съ украинской Галиціей —т. н. „Русскимъ воеводствомъ“ старой польской государственной терминологіи.

2) „Русинскій вопросъ въ цифровомъ освѣщеніи“—„Кіевскіе Отклики“ 1905, № 127. Статья подписана была буквой К.

истины“, послужить „дѣлу примиренія родственныхъ между собою народностей, населяющихъ и юго-западный край“. Самая статья впрочемъ представляла изъ себя лишь сокращенный переводъ болѣе старой статьи, появившейся въ галицкомъ органѣ такъ называемыхъ „всеполяковъ“—духовныхъ отцовъ и предшественниковъ нынѣшнихъ „народовыхъ демократовъ“—и выражавшей взгляды на польско-украинскія отношенія этой политической партіи, такъ могущественно господствующей теперь въ польскомъ обществѣ Австріи и Россіи [1]).

Помѣщая статью, кіевская редакція высказала пожеланіе, чтобы она вызвала спокойный и безпристрастный обмѣнъ мнѣній и послужила выясненію взаимныхъ отношеній двухъ народностей, населяющихъ Галицію. Я поспѣшилъ тогда откликнуться на этотъ призывъ. Какъ кіевлянинъ по происхожденію и воспитанію, силою обстоятельствъ перенесенный въ центръ галицкихъ, польско-русинскихъ отношеній, я считалъ своимъ долгомъ посильно посодѣйствовать выясненію польско-украинскихъ отношеній Галиціи, тѣмъ болѣе, что я всегда интересовался національными отношеніями вообще и польско-украинскими въ частности, и изученію ихъ исторіи посвятилъ немало труда, а проживъ много лѣтъ въ центрѣ галицкой жизни, имѣлъ достаточно возможности ознакомиться съ ихъ настоящимъ. Установленіе справедливыхъ національныхъ отношеній на моей родинѣ—Украинѣ правобережной (въ т. н. юго-западномъ краѣ) является для меня вопросомъ чрезвычайнаго значенія и интереса, и вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ автора статьи, что уясненіе галицкихъ національныхъ отношеній съ этой точки зрѣнія можетъ быть весьма полезно, я постарался съ цифрами въ рукахъ провѣрить положенія польскихъ апологетов

[1]) T. Gierałtowski Kwestya ruska w cyfrach—Przegląd Wszechpolski, 1902. Статья г. К. сокращаетъ первую изъ двухъ статей г. Гералтовскаго, изданныхъ подъ этимъ заглавіемъ; вторая имъ оставлена въ сторонѣ.

галицкаго statu quo и установить на нихъ правильный взглядъ. Напечатанныя въ той же кіевской газетѣ [1]) статьи мои были перепечатаны въ журналѣ „Кіевская Старина“ [2]) и вышли тогда же отдѣльной брошюрой [3]), скоро разошедшейся. Теперь я придалъ этимъ статьямъ болѣе общій характеръ, устранивъ болѣе детальную полемику съ взглядами польскаго публициста, и въ этой нѣсколько обновленной формѣ предлагаю вниманію читателя [4]).

II.

Защитники польскаго господства въ Галиціи, въ своей апологіи галицкаго statu quo исходятъ обыкновенно изъ современнаго соотношенія культурныхъ силъ Поляковъ и Украинцевъ (Русиновъ) [5]), то есть изъ того, что называется „состояніемъ владѣнія“ (status possidendi, Besitzstand). Они указываютъ, напр., на то, что если взять отношеніе учениковъ, студентовъ, профессоровъ Русиновъ и Поляковъ, вообще культурныхъ силъ и средствъ русинскихъ и польскихъ, то сравнительно съ числомъ учениковъ или студентовъ число школъ, гимназій, каѳедръ съ русинскимъ языкомъ вполнѣ достаточно, даже слишкомъ велико; что Русинамъ не ставится никакихъ препятствій къ достиженію ученыхъ степеней, къ занятію должностей;

[1]) „Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи“— Кіевскіе Отклики, 1905, № 141, 148, 161, 189 и дополнительная замѣтка въ № 201.

[2]) Кіевская Старина, 1905, кн. VII—VIII.

[3]) Къ польско-украинскимъ отношеніямъ, I—IV, Кіевъ 1905, ст. 112, 16°.

[4]) Кое въ чемъ ихъ можетъ дополнить XXV глава моего „Очерка исторіи украинскаго народа“, посвященная современному положенію украинства въ Галиціи, и гл. XXIV, заключающая очеркъ національнаго возрожденія австрійской Украины.

[5]) Въ Галичинѣ по старой традиціи термины „Русь“, „Русин“, „руський“ обозначаютъ національность украинскую.

что они въ большомъ числѣ встрѣчаются среди преподавателей гимназій, а судебный отдѣлъ положительно ими переполненъ. Словомъ, если взять пропорцію культурныхъ силъ Русиновъ и Поляковъ, то Русины оказываются въ положеніи привиллегированномъ, такъ что можно говорить даже объ „угнетеніи Русинами Поляковъ“, ucisk Polaków przez Rusinów. Если же Русины не имѣютъ больше, чѣмъ сколько имѣютъ въ настоящее время, то виною тому только слабость ихъ собственныхъ силъ, недостатокъ культурности, „равнодушіе къ наукѣ“, словомъ, ихъ собственная несостоятельность, обезоруживающая ихъ претензіи и непозволяющая имъ использовать даже тѣ средства и возможности, которыя имъ уже предоставлены.

Другіе защитники польскаго господства переносятъ эту аргументацію и на почву экономическихъ отношеній. Они указываютъ, что Поляки, въ качествѣ представителей крупной собственности и капиталистической буржуазіи, представляютъ, сравнительно съ Русинами, болѣе значительную платежную силу и съ точки зрѣнія буржуазно-конституціонной должны пользоваться бóльшимъ вліяніемъ, бóльшимъ голосомъ въ управленіи края и его представительствѣ. И эти апологеты отчасти пользуются статистическими данными, отчасти общими соображеніями о неспособности Русиновъ использовать ту возможность самоопредѣленія и развитія, которыя имъ предоставляется, о „болѣе высокой культурѣ“ Поляковъ, вслѣдствіе которой Русины подпадаютъ культурному вліянію польскаго элемента, и т. д.

Какъ мы будемъ имѣть случай видѣть, даже исходя изъ такой сравнительной оцѣнки современныхъ культурныхъ и экономическихъ силъ обѣихъ народностей нынѣшнее состояніе господства (stan posiadania) П ляковъ въ Галиціи совершенно не находитъ се оправданія ни въ цифрахъ, ни въ фактахъ, могущи служить мѣрою силъ и средствъ обѣихъ народност Но прежде чѣмъ перейти на эту почву, мы долж

напомнить, что такой учетъ современныхъ отношеній далеко не является единственнымъ принципомъ, съ точки зрѣнія котораго можетъ и должна быть произведена оцѣнка національныхъ отношеній Галиціи. Существуютъ другія точки зрѣнія, гораздо болѣе существенныя, и прежде всего точка зрѣнія историческая, на которую я позволю обратить вниманіе читающаго эти строки. Это, впрочемъ, не исторія хартій и привиллегій, а исторія общественныхъ и культурныхъ отношеній.

Русины и Поляки въ восточной Галиціи не представляютъ изъ себя двухъ незнакомцевъ, встрѣтившихся въ настоящее время на новой, нейтральной почвѣ и устанавливающихъ на ново modus vivendi, на основаніи учета численныхъ отношеній, экономическихъ и культурныхъ средствъ обѣихъ національностей. Національныя польско-украинскія отношенія въ этомъ краѣ, со времени славянскаго разселенія заселенномъ южною (украинскою) вѣтвью восточнаго славянства, имѣютъ исторію весьма длинную. Я говорю здѣсь объ отношеніяхъ національныхъ внутри края, оставляя въ сторонѣ предшествующую политическую борьбу Руси и Польши за пограничныя земли. Такія отношенія ведутъ свое начало съ половины XIV в., когда въ 1349 г. Поляки явились въ Галиціи какъ завоеватели, подъ предводительствомъ Казимира Вел. Какъ свидѣтельствуютъ современники и болѣе поздніе писатели, въ тѣ времена Галичина представляла богатый, изобильный дарами природы, благоустроенный край, съ могущественною туземною аристократіею, богатыми городами, оживленными сношеніями съ Западной Европой и Востокомъ. Экономически и культурно она стояла если не выше, то во всякомъ случаѣ едва ли ниже современной Польши [1]). Съ тѣхъ поръ, съ не-

1) Объ этомъ всемъ писалъ я подробно въ своей „Історіи України-Руси", т. III, IV, V и VI; потому не считаю нужнымъ входить въ детали и цитировать источники; вкратцѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ въ моемъ „Очеркѣ исторіи украинскаго народа".

для культурнаго развитія украинской и польской народности (стр. 52); положеніе учениковъ-Русиновъ въ польскихъ гимназіяхъ (стр. 53); тяготѣнія украинскаго населенія къ украинскимъ гимназіямъ (стр. 55); потребность въ украинскихъ среднихъ школахъ (стр. 59); противодѣйствіе со стороны польскихъ круговъ (стр. 60).

V. Отношеніе польскаго сеймового представительства къ русинамъ въ цифрахъ. Общія замѣчанія о польско-украинскихъ отношеніяхъ (стр. 62—74).

Ассигновки на польскія и русинскія цѣли, какъ показатель отношеній (стр. 63); полонизирующій характеръ „автономическаго“ управленія Галиціи (стр. 65). Значеніе польско-украинскихъ отношеній Галиціи, какъ показателя (стр. 66); аналогіи въ отношеніяхъ западной Украины въ Россіи (стр. 68); симптомы польско-украинскихъ отношеній въ Россіи (стр. 69) и дезидераты относительно ихъ (стр. 71).

I.

Галиція—ея политическія, соціально-экономическія и національныя отношенія—представляютъ крупный интересъ для всякаго, интересующагося вопросами политической и соціальной перестройки Россіи. Составляя непосредственное продолженіе областей, входящихъ въ составъ Россіи—т. н. Югозападнаго края и Царства Польскаго, и до сихъ поръ, послѣ почти полуторавѣковаго отдѣленія отъ нихъ сохраняя очень много сходства или близкихъ аналогій, очень много общаго и тождественнаго съ условіями этихъ областей Россіи,—она вотъ уже почти полвѣка живетъ въ условіяхъ конституціонной жизни. Участвуетъ въ общей парламентской жизни государства, имѣетъ областную автономію, пользуется—de jure по крайней мѣрѣ всяческими „равноправіями" и „гарантіями" общественнаго и экономическаго развитія. И въ высшей степени интересно и поучительно слѣдить за сочетаніями этихъ конституціонныхъ формъ и факторовъ съ условіями старой жизни—какъ искажались принципы конституціоннаго строя на почвѣ старыхъ сословныхъ и національныхъ отношеній, какъ обращало ихъ въ пустой звукъ господство традиціонной польской „общественной іерархіи", оставшейся безраздѣльнымъ господиномъ края, и какъ, какими дорогами

шло въ борьбѣ съ нею оппозиціонное движеніе обдѣленныхъ массъ и непривиллегированныхъ народностей.

Галиція прославилась крайними злоупотребленіями, извращеніями конституціонныхъ формъ, крайнимъ напряженіемъ національной борьбы, парализующей всякое культурное и экономическое движеніе ея. Для всѣхъ, интересующихся проблемою политическаго и соціальнаго обновленія Россіи, весьма полезно принять къ свѣдѣнію моменты, подъ конституціоннымъ режимомъ приведшіе къ этимъ печальнымъ явленіямъ край, поставленный въ столь аналогическія условія съ Западною Россіею, и использовать политическій опытъ Галиціи для предстоящаго переустройства Россіи, въ особенности—ея западныхъ частей. Не имѣя намѣренія исчерпать всѣ причины тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ живетъ населеніе Галиціи, я укажу только нѣкоторые „уроки", какіе даетъ она устроителямъ будущихъ отношеній Россіи.

Самъ конституціонный режимъ, безъ улучшенія соціально-экономическихъ условій существованія народныхъ массъ, при наличности всего наслѣдства старыхъ сословныхъ, феодальныхъ отношеній, принесъ весьма мало пользы населенію.

Теоретическое признаніе равноправія народностей безъ всякихъ серьезныхъ мѣръ къ обезпеченію нестѣсняемаго культурно-національнаго развитія и самоопредѣленія для народностей политически и экономически обдѣленныхъ и къ защитѣ ихъ отъ притязаній народностей, занявшихъ привиллегированное положеніе, лишь обострило національную борьбу и затормозило экономическое и культурное развитіе края.

Широкая областная автономія, съ устраненіемъ почти всякаго вліянія центральнаго управленія, служитъ только къ укрѣпленію вліянія господствующихъ классовъ и эксплоатаціи ими экономически и политически обдѣленныхъ, если она не основана на широкихъ демократическихъ началахъ, не гарантируетъ широкаго контроля надъ органами самоуправле-

нія и отвѣтственности администраціи, находящейся подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ тѣхъ же привиллегированныхъ группъ, въ рукахъ которыхъ находится самоуправленіе.

Областная автономія въ областяхъ, составленныхъ изъ разноплеменныхъ территорій, должна уступить мѣсто автономіи національно-территоріальной, если не желаетъ служить эксплоатаціи слабѣйшихъ народностей сильнѣйшими; принципъ исторической группировки территорій рѣшительно долженъ дать мѣсто группировкѣ этнографической.

Предлагаемыя статьи имѣютъ въ виду дать матеріалъ для уясненія этихъ положеній, главнымъ образомъ въ приложеніи къ Галиціи Восточной, украинской (русинской), которой собственно принадлежитъ это имя и которая, главнымъ образомъ, является ареною національной польско-украинской борьбы, почти не затрогивающей Галиціи западной (польской) [1]. Людямъ, интересующимся какъ общими вопросами будущаго устроенія Россіи, такъ и частнѣе—вопросами національныхъ и соціально-общественныхъ отношеній сѣверо-и юго-западной Россіи, такъ много аналогій представляющихъ съ отношеніями Галиціи,—эти матеріалы могутъ сослужить хорошую службу. Это соображеніе заставляетъ меня повторить изданіе этихъ статей теперь, черезъ два года послѣ ихъ появленія, въ нѣсколько измѣненной формѣ.

Поводомъ къ написанію ихъ послужила статья, появившаяся въ одной изъ кіевскихъ газетъ [2]) и имѣвшая цѣлью, по словамъ ея автора, устранить „весьма обидное для Поляковъ мнѣніе о производимыхъ ими притѣсненіяхъ Русиновъ“ и „способствуя выясненію

---

[1]) Западная Галиція, старое Краковское воеводство, при присоединеніи къ Австріи было совершенно механически соединено съ украинской Галиціей —т. н. „Русскимъ воеводствомъ“ старой польской государственной терминологіи.

[2]) „Русинскій вопросъ въ цифровомъ освѣщеніи“—„Кіевскіе Отклики“ 1905, № 127. Статья подписана была буквой К.

истины“, послужить „дѣлу примиренія родственныхъ между собою народностей, населяющихъ и юго-западный край“. Самая статья впрочемъ представляла изъ себя лишь сокращенный переводъ болѣе старой статьи, появившейся въ галицкомъ органѣ такъ называемыхъ „всеполяковъ“—духовныхъ отцовъ и предшественниковъ нынѣшнихъ „народовыхъ демократовъ“—и выражавшей взгляды на польско-украинскія отношенія этой политической партіи, такъ могущественно господствующей теперь въ польскомъ обществѣ Австріи и Россіи [1]).

Помѣщая статью, кіевская редакція высказала пожеланіе, чтобы она вызвала спокойный и безпристрастный обмѣнъ мнѣній и послужила выясненію взаимныхъ отношеній двухъ народностей, населяющихъ Галицію. Я поспѣшилъ тогда откликнуться на этотъ призывъ. Какъ кіевлянинъ по происхожденію и воспитанію, силою обстоятельствъ перенесенный въ центръ галицкихъ, польско-русинскихъ отношеній, я считалъ своимъ долгомъ посильно посодѣйствовать выясненію польско-украинскихъ отношеній Галиціи, тѣмъ болѣе, что я всегда интересовался національными отношеніями вообще и польско-украинскими въ частности, и изученію ихъ исторіи посвятилъ немало труда, а проживъ много лѣтъ въ центрѣ галицкой жизни, имѣлъ достаточно возможности ознакомиться съ ихъ настоящимъ. Установленіе справедливыхъ національныхъ отношеній на моей родинѣ—Украинѣ правобережной (въ т. н. югозападномъ краѣ) является для меня вопросомъ чрезвычайнаго значенія и интереса, и вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ автора статьи, что уясненіе галицкихъ національныхъ отношеній съ этой точки зрѣнія можетъ быть весьма полезно, я постарался съ цифрами въ рукахъ провѣрить положенія польскихъ апологетовъ

[1]) T. Gierałtowski Kwestya ruska w cyfrach—Przegląd Wszechpolski, 1902. Статья г. К. сокращаетъ первую изъ двухъ статей г. Гералтовскаго, изданныхъ подъ этимъ заглавіемъ; вторая имъ оставлена въ сторонѣ.

галицкаго statu quo и установить на нихъ правильный взглядъ. Напечатанныя въ той же кіевской газетѣ [1]) статьи мои были перепечатаны въ журналѣ „Кіевская Старина" [2]) и вышли тогда же отдѣльной брошюрой [3]), скоро разошедшейся. Теперь я придалъ этимъ статьямъ болѣе общій характеръ, устранивъ болѣе детальную полемику съ взглядами польскаго публициста, и въ этой нѣсколько обновленной формѣ предлагаю вни манію читателя [4]).

II.

Защитники польскаго господства въ Галиціи, въ своей апологіи галицкаго statu quo исходятъ обыкновенно изъ современнаго соотношенія культурныхъ силъ Поляковъ и Украинцевъ (Русиновъ) [5]), то есть изъ того, что называется „состояніемъ владѣнія" (status possidendi, Besitzstand). Они указываютъ, напр., на то, что если взять отношеніе учениковъ, студентовъ, профессоровъ Русиновъ и Поляковъ, вообще культурныхъ силъ и средствъ русинскихъ и польскихъ, то сравнительно съ числомъ учениковъ или студентовъ число школъ, гимназій, каѳедръ съ русинскимъ языкомъ вполнѣ достаточно, даже слишкомъ велико; что Русинамъ не ставится никакихъ препятствій къ достиженію ученыхъ степеней, къ занятію должностей;

---

[1]) „Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи"— Кіевскіе Отклики, 1905, № 141, 148, 161, 189 и дополнительная замѣтка въ № 201.

[2]) Кіевская Старина, 1905, кн. VII—VIII.

[3]) Къ польско-украинскимъ отношеніямъ, I—IV, Кіевъ 1905, ст. 112, 16⁰.

[4]) Кое въ чемъ ихъ можетъ дополнить XXV глава моего „Очерка исторіи украинскаго народа", посвященная современному положенію украинства въ Галиціи, и гл. XXIV, заключающая очеркъ національнаго возрожденія австрійской Украины.

[5]) Въ Галичинѣ по старой традиціи термины „Русь", „Русин", „руський" обозначаютъ національность украинскую.

что они въ большомъ числѣ встрѣчаются среди преподавателей гимназій, а судебный отдѣлъ положительно ими переполненъ. Словомъ, если взять пропорцію культурныхъ силъ Русиновъ и Поляковъ, то Русины оказываются въ положеніи привиллегированномъ, такъ что можно говорить даже объ „угнетеніи Русинами Поляковъ“, ucisk Polaków przez Rusinów. Если же Русины не имѣютъ больше, чѣмъ сколько имѣютъ въ настоящее время, то виною тому только слабость ихъ собственныхъ силъ, недостатокъ культурности, „равнодушіе къ наукѣ“, словомъ, ихъ собственная несостоятельность, обезоруживающая ихъ претензіи и непозволяющая имъ использовать даже тѣ средства и возможности, которыя имъ уже предоставлены.

Другіе защитники польскаго господства переносятъ эту аргументацію и на почву экономическихъ отношеній. Они указываютъ, что Поляки, въ качествѣ представителей крупной собственности и капиталистической буржуазіи, представляютъ, сравнительно съ Русинами, болѣе значительную платежную силу и съ точки зрѣнія буржуазно-конституціонной должны пользоваться бóльшимъ вліяніемъ, бóльшимъ голосомъ въ управленіи края и его представительствѣ. И эти апологеты отчасти пользуются статистическими данными, отчасти общими соображеніями о неспособности Русиновъ использовать ту возможность самоопредѣленія и развитія, которыя имъ предоставляется, о „болѣе высокой культурѣ“ Поляковъ, вслѣдствіе которой Русины подпадаютъ культурному вліянію польскаго элемента, и т. д.

Какъ мы будемъ имѣть случай видѣть, даже исходя изъ такой сравнительной оцѣнки современныхъ культурныхъ и экономическихъ силъ обѣихъ народностей, нынѣшнее состояніе господства (stan posiadania) Поляковъ въ Галиціи совершенно не находитъ себѣ оправданія ни въ цифрахъ, ни въ фактахъ, могущихъ служить мѣрою силъ и средствъ обѣихъ народностей. Но прежде чѣмъ перейти на эту почву, мы должны

напомнить, что такой учетъ современныхъ отношеній далеко не является единственнымъ принципомъ, съ точки зрѣнія котораго можетъ и должна быть произведена оцѣнка національныхъ отношеній Галиціи. Существуютъ другія точки зрѣнія, гораздо болѣе существенныя, и прежде всего точка зрѣнія историческая, на которую я позволю обратить вниманіе читающаго эти строки. Это, впрочемъ, не исторія хартій и привиллегій, а исторія общественныхъ и культурныхъ отношеній.

Русины и Поляки въ восточной Галиціи не представляютъ изъ себя двухъ незнакомцевъ, встрѣтившихся въ настоящее время на новой, нейтральной почвѣ и устанавливающихъ на ново modus vivendi, на основаніи учета численныхъ отношеній, экономическихъ и культурныхъ средствъ обѣихъ національностей. Національныя польско-украинскія отношенія въ этомъ краѣ, со времени славянскаго разселенія заселенномъ южною (украинскою) вѣтвью восточнаго славянства, имѣютъ исторію весьма длинную. Я говорю здѣсь объ отношеніяхъ національныхъ внутри края, оставляя въ сторонѣ предшествующую политическую борьбу Руси и Польши за пограничныя земли. Такія отношенія ведутъ свое начало съ половины XIV в., когда въ 1349 г. Поляки явились въ Галиціи какъ завоеватели, подъ предводительствомъ Казимира Вел. Какъ свидѣтельствуютъ современники и болѣе поздніе писатели, въ тѣ времена Галичина представляла богатый, изобильный дарами природы, благоустроенный край, съ могущественною туземною аристократіею, богатыми городами, оживленными сношеніями съ Западной Европой и Востокомъ. Экономически и культурно она стояла если не выше, то во всякомъ случаѣ едва ли ниже современной Польши [1]). Съ тѣхъ поръ, съ не-

1) Объ этомъ всемъ писалъ я подробно въ своей „Історіи Украіни-Руси“, т. III, IV, V и VI; потому не считаю нужнымъ входить въ детали и цитировать источники; вкратцѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ въ моемъ „Очеркѣ исторіи украинскаго народа“.

большимъ интерваломъ послѣ перваго раздѣла Польши, когда австрійская бюрократія взяла было администрацію Галиціи въ свои руки, въ продолженіи слишкомъ пятисотъ лѣтъ Галичина находилась во власти Поляковъ: сначала во владѣніи Польши, позже подъ владѣніемъ Австріи, но подъ фактическимъ польскимъ господствомъ. Въ продолженіи пятисотъ лѣтъ Поляки исполняли здѣсь, среди туземнаго украинскаго населенія, свою „историческую культурную миссію", о которой все еще очень серьезно, съ энтузіазмомъ говоритъ польская исторіографія и польская публицистика. И что сдѣлалось съ этою „текущею медомъ и млекомъ" землею, чаровавшею своею роскошью и богатствомъ средневѣковыхъ польскихъ историковъ, за эти пятьсотъ лѣтъ польской опеки, польской культурной миссіи?

Состояніе, въ которомъ получила Галицію австрійская бюрократія въ 1772 г., подводитъ итоги польскаго управленія, польской культурной работы въ этомъ краѣ [1]). Австрія получила край страшно бѣднымъ и отсталымъ. Торговля и ремесла были въ упадкѣ; города наполнены полуголодными Евреями; крестьянство забито, подавлено, разорено; туземный элементъ представленъ полуграмотнымъ духовенствомъ, польскій — своевольною, малокультурною шляхтою. Столѣтіе дальнѣйшаго господства Поляковъ въ краѣ увѣнчалось тѣмъ состояніемъ, въ какомъ видимъ восточную Галичину теперь. Край наиболѣе запущенный, наиболѣе бѣдный, наиболѣе темный во всей западной Европѣ; край безъ торговли, безъ промышленности, совершенно пассивный въ своемъ балансѣ; край, гдѣ голодный тифъ является совершенно обычнымъ и регулярнымъ гостемъ; край, въ которомъ дневной заработокъ взрослаго работника колебался между 15—20 кр. (12—15 коп.) до послѣднихъ крестьянскихъ стачекъ, подавленныхъ, впрочемъ, „желѣзною рукою" польской

[1]) Memoriał Antoniego hr. Pergena pierwszego gubernatora Galicyi o stanie kraju—Kwartalnik histor. 1906.

бюрократіи; край, по числу безграмотныхъ составляющій настоящее черное пятно на картѣ Европы; край, прославленный самоуправствомъ своей администраціи и неслыханными „разбоями“ при выборахъ, производимыхъ искусною рукою той же администраціи; однимъ словомъ, ославленный край нищеты, эпидемій и безправія, широко популярный съ этой стороны у ближнихъ и дальнихъ сосѣдей.

На днѣ послѣдняго круга этой юдоли горя и мрака очутились старые хозяева края—Русины. Передъ своимъ пробужденіемъ, совершившимся въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XIX в., они представляли почти исключительно этнографическую массу, состоявшую изъ совершенно подавленнаго, темнаго и до крайняго экономическаго истощенія доведеннаго крестьянства, между тѣмъ какъ единственную интеллигенцію (весьма невысокаго качества) составляло духовенство. И представители господствующей народности, польскіе шляхтичи въ 1860-хъ гг. торжественно заявляли въ галицкомъ сеймѣ, что они не знаютъ русинскаго народа—знаютъ только мужиковъ и поповъ (niema Rusi, są popi i chłopi).

Старое боярство Галичины, подорванное конфискаціями и отобраніемъ имѣній, сразу отодвинуто было на дальній планъ привиллегированными пришельцами, и его остатки утонули въ морѣ польской шляхты. Всевозможными запрещеніями и исключеніями Русины были оттиснуты отъ муниципальной жизни, отъ торговли и ремеслъ. Крестьяне, съ развитіемъ барщины и доминіальной власти, обращены въ безгласный рабочій инвентарь польскихъ помѣщиковъ. Земля и угодья перешли въ руки польской шляхты (послѣднимъ актомъ этого обезземеленія крестьянства было присвоеніе помѣщиками, послѣ упраздненія подданства въ 1848 г., угодій, находившихся въ общемъ пользованіи помѣщика и крестьянъ: безчисленные процессы крестьянъ съ помѣщиками за эти „лїси і пасовиска“, лѣса и пастбища, были проиграны крестьянами

въ галицкихъ судахъ). Лишенное образовательныхъ средствъ духовенство упало до уровня полуграмотныхъ „луцаковъ“, пока не подняли его уровня мѣры австрійскаго правительства. Духовная жизнь народа низведена была до убогихъ остатковъ церковной литературы и устной словесности. До такого убожества дошла галицкая Русь предъ своимъ возрожденіемъ — и, несмотря на геройскія усилія послѣднихъ десятилѣтій, она и теперь недалеко ушла отъ этого печальнаго положенія.

Состояніе, несомнѣнно, жалкое. Но вмѣсто того, чтобы на этомъ фактѣ основывать права на дальнѣйшее господство Поляковъ въ Галиціи, права держать въ черномъ тѣлѣ Русиновъ и пользоваться всѣми экономическими и культурными средствами края (находящагося въ безконтрольной власти польскихъ правящихъ сословій) исключительно въ интересахъ своей народности и ея національныхъ интересовъ, какъ это дѣлаютъ апологеты польскаго господства,—вопросъ, очевидно, долженъ быть поставленъ иначе. Если сравнительно съ польскимъ элементомъ, господствовавшимъ въ этомъ краѣ въ продолженіе пяти столѣтій и сохраняющимъ по сіе время свою привиллегированную позицію, элементъ русинскій оказывается болѣе слабымъ экономически и культурно (самъ по себѣ польскій элементъ впрочемъ также не высоко шагнулъ въ экономическомъ и культурномъ преуспѣяніи и можетъ соперничать только съ подавленнымъ вѣковымъ гнетомъ элементомъ русинскимъ), если послѣ пятисотъ лѣтъ польскаго управленія и „культивированія“ края русинское населеніе и весь край вообще находится въ самомъ жалкомъ положеніи,—то въ оцѣнкѣ нынѣшнихъ отношеній отъ этого тѣмъ хуже для Поляковъ, а не для Русиновъ. Мы должны спросить: господа Поляки, вы пять столѣтій господствовали въ этомъ краю и насаждали въ немъ культуру, какъ говорятъ ваши историки и публицисты,—почему же этотъ край вообще и его туземное населеніе въ частности очутилось въ такомъ невозможномъ состояніи? Что сдѣлали вы за время

вашего господства для поднятія его изъ этого жалкаго состоянія? Вы овладѣли его землями и водами—что дали вы ему взамѣнъ? Вы сдѣлались господами на его землѣ и Русины стали „наймитами", работающими на дворахъ и поляхъ вашихъ, лишенными самыхъ элементарныхъ условій человѣческаго существованія—чѣмъ оправдаете вы свое привиллегированное положеніе? Ваша „культурная миссія" обнаружила свою полную несостоятельность, ваши притязанія на роль руководящаго, правящаго класса выказали вашу полную неспособность къ ней,—какой выводъ можно вывести изъ этого кромѣ того, что единственное, что вы можете сдѣлать—это оставить свои притязанія на преобладаніе, на преимущество въ этомъ краѣ, вопіющемъ о вашихъ историческихъ грѣхахъ, и дать полную свободу угнетенному и обобранному вами населенію самому заботиться объ улучшеніи своего положенія и созданія условій культурнаго и экономическаго развитія?

Это одна точка зрѣнія. Въ связи съ нею стоитъ другая, которую тоже никакъ нельзя упускать изъ виду для правильнаго пониманія польско-украинскаго спора въ Галичинѣ и оцѣнки здѣшнихъ національныхъ отношеній.

Русины въ восточной Галиціи составляютъ коренное автохтонное населеніе [1]). До сихъ поръ, несмотря на многовѣковую денаціонализацію русинскаго элемента, вольную и невольную, они и теперь составляютъ крупное большинство въ этомъ краѣ. Даже по официальной галицкой статистикѣ, вообще представляющей процентъ Поляковъ большимъ сравнительно съ дѣйствительностью, Русины по переписи 1900 г. [2]) изъ 50 повѣтовъ восточной Галиціи въ 35 повѣтахъ составляли болѣе 60 проц. населенія, въ 18 повѣтахъ болѣе 70 проц.,

---

[1]) То есть—они живутъ здѣсь со времени славянскаго разселенія; болѣе давней метрики не имѣетъ никакое другое славянское населеніе.

[2]) Пользуюсь оффиціальнымъ изданіемъ: Podręcznik statystyki Galicyi т. VII, 1903.

въ 7 болѣе 80 проц., а въ дѣйствительности, вѣроятно, составляютъ около 70 проц. всего здѣшняго населенія, между тѣмъ какъ остальные 30 проц. дѣлятся между Евреями и Поляками 1).

Читатель долженъ помнить, что цифры здѣшней оффиціальной статистики вообще не даютъ настоящаго понятія о дѣйствительныхъ отношеніяхъ, такъ какъ: 1) онѣ въ рубрику Поляковъ зачисляютъ Евреевъ, которыхъ австрійская статистика не выдѣляетъ въ особую національную категорію, разсматривая ихъ не какъ національность, а какъ исповѣданіе; 2) въ рубрику Поляковъ вносятся обыкновенно Русины римско-католическаго исповѣданія, на основаніи этой конфессіи, хотя по національности они остаются Русинами; 3) при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она производится, эта статистика даетъ, вообще, болѣе благопріятные результаты для господствующей національности. Эти соображенія постоянно нужно будетъ имѣть въ виду и далѣе, при оцѣнкѣ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ.

Вносят необходимыя поправки въ данныя этой статистики, мы должны констатировать далѣе, что и своею безотносительною численностью Русины представляютъ очень замѣтную величину среди народовъ Австріи: они

---

1) Въ моментъ присоединенія Галиціи къ Австріи первый губернаторъ ея гр. Пергенъ считалъ населеніе цѣлой Галиціи (восточной и западной, нѣсколько отличавшейся, однако, своими границами отъ нынѣшней) въ 2 милліона, въ томъ числѣ $^2/_3$ Русиновъ, и около $^1/_4$ Поляковъ. По переписи 1900 г., Русиновъ въ цѣлой Галиціи было 3,074 т. Поляковъ 3.988 тыс., но изъ этого числа Поляковъ нужно въ дѣйствительности исключить 800 т. Евреевъ и перечислить изъ польской въ русинскую категорію не менѣе, вѣроятно, 200 т. Русинъ римско-католическаго исповѣданія. Такимъ образомъ, въ настоящее время число Русиновъ въ Галиціи почти равняется числу Поляковъ (лишь нѣсколько превосходитъ). Если за сообщеніемъ Пергена признать только приблизительную вѣрность, все же приходится констатировать большія потери русинскаго элемента за послѣднее столѣтіе. Причины ихъ отчасти будутъ ясны изъ дальнѣйшаго.

занимаютъ третье мѣсто среди народовъ Цислейтаніи, уступая численностью только Нѣмцамъ и Чехамъ и превосходя Поляковъ [1]). Являясь кореннымъ населеніемъ одной изъ общирнѣйшихъ провинцій Австріи, составляя и теперь большинство въ населеніи этой провинціи, представляя по численности своей одну изъ крупнѣйшихъ національностей Австріи, Русины, конечно, имѣютъ право требовать, чтобы государство, берущее съ нихъ подати и рекрутъ, заботилось и объ ихъ экономическихъ и культурныхъ нуждахъ.

Болѣе или менѣе равняясь по численности съ Поляками (собственно—превосходя ихъ), русинская народность имѣетъ право требовать отъ государства, чтобы оно удѣляло ея нуждамъ болѣе или менѣе столько же попеченія и вниманія, сколько удѣляетъ его Полякамъ. Тотъ фактъ, что Русины стоятъ экономически и культурно слабѣе Поляковъ, нисколько, конечно, не уменьшаетъ ихъ правъ на вниманіе. Наоборотъ, народности отставшія, поставленныя въ менѣе выгодныя для своего развитія условія, имѣютъ право на усиленное вниманіе правительства,—если понимать роль государства не въ формѣ пресса, выжимающаго изъ своихъ членовъ подати и рекрутовъ, и даже не банкира, ведущаго текущіе счета своихъ кліентовъ и выплачивающаго имъ проценты соотвѣтственно ихъ вкладамъ въ государственный бюджетъ. Принципъ, который проводятъ Поляки и который сводится, собственно, къ словамъ:

[1]) По переписи 1900 г. въ Австріи (Цислейтаніи) было 4.259 тыс. Поляковъ и 3.375 тыс. Русиновъ (въ Галиціи и Буковинѣ). Сообразно вышесказанному, исключивъ 811 тыс. галицкихъ Евреевъ и перенеся изъ польской категоріи въ русинскую римо-католиковъ Русинъ, мы получили отношеніе 3,2 милл. Поляковъ и 3,5 милл. Русиновъ, но цифра Русинъ все еще, несомнѣнно, ниже дѣйствительной. Къ этой русинской территоріи Цислейтаніи примыкаетъ еще территорія Угорской Руси (входящая уже въ составъ другого политическаго организма) съ русинскимъ населеніемъ не менѣе 450 тыс., такъ что русинская территорія Австро-Венгріи въ общемъ заключаетъ свыше 4 милліоновъ украинскаго (русинскаго) населенія.

кто имѣетъ много, тому будетъ еще дано, а у неимущаго будетъ взято и то, что онъ имѣетъ—вовсе не соотвѣтствуетъ современному прогрессивному понятію о государствѣ. Но по отношенію къ Галиціи онъ примѣнялся постоянно и примѣняется доднесь, и даетъ поводъ къ справедливымъ жалобамъ со стороны Русиновъ по отношенію къ правительству и правящимъ польскимъ кругамъ.

Въ продолженіе послѣднихъ сорока лѣтъ правительствомъ для Галиціи фактически была польская шляхта. Начиная съ 1860-хъ гг. и до нынѣшняго дня, она играла роль лейбъ-гвардіи вѣнскаго правительства и династіи, и за это требовала отъ правительства сохраненія своего господства въ Галиціи, неприкосновенности преобладанія польской національности, невмѣшательства центральныхъ органовъ въ управленіе Галиціи. Составляя тѣсно сплоченную, хорошо организованную группу, преслѣдующую собственно свои сословные (феодальные) интересы и лишь прикрываюшую ихъ программой польскаго національнаго господства, во имя которой она требуетъ солидарности и отъ польской буржуазіи и отъ прочихъ польскихъ общественныхъ элементовъ,— польская шляхта, дѣйствительно, оказываетъ существенныя услуги вѣнскому правительству, поддерживая его во всемъ, служа оплотомъ бюрократическо-феодальныхъ элементовъ, и зато дѣйствительно безконтрольно и всевластно правитъ Галиціей. Всѣ высшія позиціи въ управленіи края замѣщаются по рекомендаціи польско-шляхетскаго парламентскаго клуба, а спеціальный министръ для Галиціи и рядъ польскихъ директоровъ департаментовъ въ вѣнскихъ министерствахъ, назначаемые по рекомендаціи того же клуба, тщательно слѣдятъ, чтобы изъ правительственныхъ круговъ не вышло ничего, что могло бы нарушить польскій stan posiadania въ Галиціи; въ противномъ же случаѣ кладутъ свое veto и пускаютъ въ дѣло могущественное вліяніе польскаго клуба.

Поэтому по адресу Поляковъ и въ частности поль-

ской шляхты обращаютъ Русины тѣ претензіи, которыя они считаютъ себя вправѣ предъявить правительству и государству. Ее дѣлаютъ они отвѣтственными за то, что для подъема и развитія украинской (русинской) народности дѣлается такъ мало, что ее держатъ въ подневольномъ положеніи, и даже всѣ намѣренія центральнаго правительства сдѣлать что нибудь для Русиновъ разбиваются о сопротивленіе польской шляхты. Поляковъ считаютъ они отвѣтственными за то, что управленіе краемъ сводится лишь къ поддержанію польскаго господства въ немъ всякими средствами, въ ущербъ не только русинскому населенію, но и экономическому и культурному развитію края вообще. Ихъ обвиняютъ они въ томъ, что къ бюрократической косности Австріи присоединяются еще тормазы національнаго и сословнаго характера, и русинскія народныя массы безплодно бьются о стѣны этой тюрьмы въ своихъ стремленіяхъ къ экономическому, культурному и политическому развитію.

Русины требуютъ раздѣла этнографическихъ территорій—отдѣленія восточной (украинской) отъ западной (польской) Галиціи, установленія національно-територіальной автономіи и предоставленія украинскому (русинскому) элементу въ восточной Галиціи такой роли, какая слѣдуетъ ему какъ національности, превосходящей болѣе чѣмъ въ три раза мѣстное польское населеніе. Они требуютъ, чтобы украинской (русинской) народности были предоставлены тѣ культурныя и образовательныя средства, какими пользуется польская народность въ западной, польской части Галиціи; чтобы было обращено вниманіе на тяжелое положеніе крестьянскихъ массъ, изъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ русинское населеніе восточной Галиціи; чтобы были устранены тѣ искусственно созданныя и поддерживаемыя условія, которыя держатъ ихъ въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ—польской шляхты, и тормозятъ всякую возможность экономическаго и культурнаго развитія.

Поляки противятся раздѣлу этнографическихъ территорій. Соединеніе восточной и западной Галиціи скрѣпляетъ положеніе польскаго элемента въ восточной Галиціи, обезпечиваетъ ему (особенно при нынѣшней системѣ представительства) полное преобладаніе въ мѣстномъ сеймѣ, даетъ возможность держать въ рукахъ управленіе обѣихъ частей Галиціи и вообще пользоваться всѣми средствами края для усиленія польской національности.

Утративъ, можетъ быть, надежду вполнѣ денаціонализировать русинское населеніе, польская правящая партія (поддерживаемая, впрочемъ, въ этихъ стремленіяхъ и польскимъ обществомъ) рядомъ искуссно обдуманныхъ мѣръ, слагающихся въ цѣльную систему, стремится къ тому, чтобы ослабить русинскій элементъ численно и качественно, задержать его по возможности въ состояніи этнографической массы, не дать разаиться національной жизни. Этой цѣли служитъ весь нвтономный механизмъ и вся огромная машина мѣстсаго управленія. Администрація, напр., наводняетъ вот очную Галицію Поляками чиновниками, учителями и пр. изъ западной Галиціи, между тѣмъ какъ чиновники, учителя и пр. русинской народности, особенно почему либо „неудобные“, назначаются въ польскія мѣстности западной Галиціи, гдѣ они не могутъ быть полезными, дѣятельными членами украинскаго общества. Система эта не утратила практическаго значенія и доселѣ, несмотря на громкіе протесты Русиновъ. Школы, финансовыя учрежденія, экономическія институціи—все служитъ польскимъ національнымъ цѣлямъ. Какъ откровенно признаются сами Поляки въ болѣе искренніе моменты, руководители этой „органической работы“ (praca organiczna) стремятся къ тому, чтобы вознаградить утраты, понесенныя польскою народностью въ Пруссіи и въ Царствѣ Польскомъ, усиленіемъ ея въ Галиціи,—и это усиленіе можетъ произойти только за счетъ народности украинской (также и еврейской).

Тутъ лежитъ центръ тяжести національнаго спор

Галиціи. Русины домогаются, чтобы съ ними считались какъ съ національностью, наравнѣ съ польскою, и дали имъ то мѣсто въ восточной Галиціи, какое Поляки занимаютъ на своей этнографической территоріи Галиціи. Поляки поддерживаютъ принципъ неравноцѣнности національностей и ссылаются на культурное и экономическое превосходство Поляковъ, скромно умалчивая о томъ, что до своего экономическаго и культурнаго упадка Русины доведены Поляками, польскимъ господствомъ, и имъ же удерживаются въ этомъ состояніи. Для польской національности они желаютъ сохранить положеніе народности господствующей (nacyi dominującei w kraju), а украинскую держать въ положеніи подчиненной и низшей.

Съ точки зрѣнія національнаго эгоизма—политика понятная. Но теперь національный эгоизмъ обыкновенно не рѣшается выходить на свѣтъ божій безъ прикрытія. Такимъ прикрытіемъ и служатъ толки о высшей и низшей культурности, о культурныхъ миссіяхъ и даже о высшихъ и низшихъ расовыхъ качествахъ. Приходится обращаться къ такимъ прикрытіямъ и Полякамъ Галиціи, тѣмъ болѣе, что толками объ угнетеніи Русиновъ Поляками компрометируются протесты Поляковъ противъ національнаго безправія польской народности въ Россіи и Пруссіи. Тамъ безправіе также оправдывается разговорами о низшей культурѣ Поляковъ, низшей славянской расѣ вообще, или о неспособности Поляковъ къ политической жизни, отсутствіи у нихъ государственнаго инстинкта и т. п., и Полякамъ въ свою защиту приходится обращаться тамъ къ аргументамъ національной справедливости и естественныхъ правъ человѣка. Но эти аргументы роковымъ образомъ обращаются противъ нихъ, когда выдвигаются для ихъ переоцѣнки польско-украинскія отношенія Галиціи.

По отношенію къ этимъ послѣднимъ польскіе защитники польскаго режима Галиціи, положимъ, будутъ заявлять, что отношенія Поляковъ къ Русинамъ совершенно не нарушаютъ „національной справедливости“, и единственною причиною превалирующаго положенія

Поляковъ является ихъ высшая культурность въ сравненіи съ Русинами, и что эта высшая культурность своею собственною силою, безъ давленія извнѣ, создаетъ привилегированное положеніе для Поляковъ и непривиллегированное положеніе для русинской народности. Но болѣе детальное разсмотрѣніе отношеній покажетъ намъ, насколько основательны эти утвержденія, бросающія такой невыгодный свѣтъ на украинскую народность, и откроетъ намъ тѣ дѣйствительные устои, на которыхъ опирается польское господство. Къ этому детальному разсмотрѣнію я и перехожу теперь.

III.

Въ послѣдніе годы университетскій вопросъ, какъ показатель польско-украинскихъ отношеній Галиціи, пріобрѣлъ особую популярность, и при оцѣнкѣ этихъ отношеній очень часто прежде всего обращаются къ этому больному мѣсту. Въ ходъ пускается университетская статистика, а защитники галицкаго режима обыкновенно заявляютъ, что университетскій вопросъ ими разсматривается „исключительно съ точки зрѣнія народной справедливости“.

A la bonne heure! Будемъ и мы въ обсужденіи этого вопроса имѣть въ виду эту точку зрѣнія „національной справедливости“. А такъ какъ унивеситетскіи вопросъ дѣйствительно сильно наболѣлъ и выросъ до значенія національнаго вопроса, да и извѣстность пріобрѣлъ большую, благодаря поголовному выходу студентовъ Русиновъ изъ львовскаго университета въ 1901 г. и послѣднимъ бурнымъ событіямъ, вплоть до недавней демонстраціи, окончившейся массовыми арестами, голодовкою студентовъ-Русиновъ и „чисткой“ университета студентами Поляками,—то и мы тоже дадимъ ему приличное мѣсто и начнемъ съ него. Разсмотрѣніе его разъяснитъ намъ и то, какъ понимаютъ національную справедливость польскія сферы, мнѣнія которыхъ отражаютъ

статьи, берущія на себя защиту польскаго режима Галиціи.

Какъ и въ другихъ вопросахъ, и здѣсь апологеты польскаго режима оставляютъ въ сторонѣ исторію вопроса, хотя она имѣетъ существенное значеніе для его пониманія [1]).

Львовскій университетъ былъ учрежденъ въ 1784 г. австрійскимъ правительствомъ и съ перерывомъ въ 1805—1818 годахъ существуетъ съ тѣхъ поръ до настоящаго времени. До 1870 г. онъ имѣлъ характеръ нѣмецкій, но несомнѣнно имѣлъ въ виду культурныя потребности русинскаго населенія восточной Галиціи; для приготовленія русинской молодежи къ университетскимъ курсамъ при немъ былъ учрежденъ лицей съ богословско-философскими предметами, преподававшимися профессорами-Русинами. Въ 1818 году, послѣ упомянутаго перерыва (въ теченіе котораго существовалъ только лицей, а университета не было), лицей преобразованъ былъ въ университетъ, а мѣсто его заняла т. н. академическая гимназія (первая львовская гимназія, по традиціи ставшая русинскою при національизаціи школъ). Свой взглядъ на національное, такъ сказать, назначеніе львовскаго университета вѣнское правительство высказало въ изданномъ въ 1848 году распоряженіи о преподаваніи въ гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ „въ русинской части Галиціи". Въ этомъ распоряженіи преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ университетѣ объявлялось временнымъ,—пока не найдутся профессора, способные преподавать предметы на мѣстномъ языкѣ, т. е. русинскомъ. Обращеніе львовскаго университета въ русинскій въ ближайшемъ будущемъ считалось вопросомъ рѣшеннымъ, и такъ смотрѣла на это тогда сама университетская корпорація. И это, конечно, было совершенно

---

[1]) Подробнѣе исторія вопроса изложена въ моей брошюрѣ: „Справа українського унїверситета у Львові, 1899 (перепечатка изъ журнала: „Лїтерат.-науковий Вістник" съ подписью: Observator). Большая (оффиціальная) исторія Львовскаго университета: Finkel i Starzynski—Historya uniwersytetu lwowskiego, Львовъ, 1894.

справедливымъ и разумнымъ планомъ, такъ какъ Поляки имѣли свой университетъ въ Краковѣ, а въ восточной, русинской части Галиціи нужно было имѣть въ виду культурные и образовательные интересы мѣстнаго—русинскаго (украинскаго) населенія.

Но, заявивъ эти благія намѣренія, австрійская бюрократія ничего не сдѣлала для ихъ осуществленія—для подготовки „способныхъ и соотвѣтственно приготовленныхъ“ профессоровъ и преподавателей и постепеннаго введенія преподаванія на русинскомъ языкѣ. Учреждены были только (въ 1848—1849 гг.) каѳедры русинскаго (украинскаго) языка и литературы (на философскомъ факультетѣ) и пастырскаго богословія (на богословскомъ факультетѣ) съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ. Во всемъ остальномъ „временное“ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ продолжалось дальше, и правительство вспомнило о русинскомъ языкѣ снова лишь въ 1860 годахъ, когда снова всплылъ на очередь вопросъ о національзаціи галицкихъ университетовъ. Въ 1861 г. введено въ краковскомъ университетѣ преподаваніе на польскомъ языкѣ, вмѣсто нѣмецкаго (сначала, впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями). Львовскій университетъ правительство предназначало опять-таки для Русиновъ, но въ виду отсутствія въ немъ профессоровъ Русиновъ (кромѣ богословскаго факультета, на которомъ преподаваніе происходило, главнымъ образомъ, на нейтральномъ латинскомъ языкѣ, сохраненномъ и позже), оно не ввело тутъ русинскаго языка въ тѣхъ размѣрахъ, какъ сдѣлало это въ Краковѣ съ польскимъ, а учредило только нѣсколько параллельныхъ каѳедръ съ русинскимъ языкомъ на юридическомъ факультетѣ. Оно поручило факультету замѣстить двѣ изъ нихъ (гражданскаго судопроизводства и уголовнаго права и судопроизводства) наличными кандидатами безъ представленія диссертаціи, учрежденіе же дальнѣйшихъ русинскихъ каѳедръ обусловливало наличностью кандидатовъ, которые бы удовлетворяли университетскимъ требованіямъ.

Если мы припомнимъ сказанное въ предшествующей статьѣ о глубокомъ упадкѣ, въ который къ этому времени былъ приведенъ русинскій элементъ въ Галиціи вѣковою опекою польской народности и ея руководящихъ круговъ; съ другой стороны, если мы примемъ въ соображеніе, что какъ разъ въ это время польская шляхта, смѣнивъ политику фронды по отношенію къ австрійскому правительству на политику ультра-правительственную, вполнѣ захватываетъ съ свои руки управленіе краемъ и своимъ могущественнымъ вліяніемъ въ Вѣнѣ начинаетъ тормозить все, что могло бы содѣйствовать развитію русинскаго элемента,—то мы не будемъ удивляться, что среди Русинъ не много нашлось лицъ, рѣшившихся воспользоваться возможностью университетской карьеры. Приготовленіе къ профессурѣ вещь очень не легкая, требующая не только способностей, энергіи, но и средствъ, а правительство ничего не сдѣлало, чтобы облегчить приготовленіе къ профессурѣ кандидатамъ - Русинамъ — ничего того, что всегда практикуется въ такихъ случаяхъ (раздача стипендій, ученыя командировки и т. п.). Между тѣмъ, на пути къ университетской дѣятельности кандидатовъ-Русиновъ стояли такія недоброжелательныя инстанціи, какъ нѣмецкая профессорская корпорація, польская администрація и представительство края, оказывавшія существенное вліяніе въ такой же мѣрѣ на вопросъ университетскій какъ и на всякіе другіе вопросы мѣстныхъ отношеній. И неудивительно, что среди слабой еще тогда и количественно и качественно русинской интеллигенціи, подавленной польскимъ господствомъ, лишенной вѣры въ возможность достичь чего либо и занятой заботой о кускѣ хлѣба, не находилось смѣльчаковъ, готовыхъ плыть между Сциллой и Харибдой къ такой проблематической цѣли, какою были эти „могущія быть учрежденными“ русинскія каѳедры.

Между тѣмъ, Поляки, обезпечивъ себѣ господство въ краѣ и достигнувъ того, что польскій языкъ введенъ былъ уже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ во-

сточной (украинской) Галиціи, безъ устали штурмовали центральное правительство, домогаясь введенія польскаго языка и во львовскомъ университетѣ. Польская администрація края и его представительство были проводниками этихъ требованій и по отношенію къ центральному правительству, и по отношенію къ университетскимъ властямъ, подъ этимъ давленіемъ дѣлавшимъ разныя уступки польскому элементу. Но австрійское правительство не рѣшалось все-таки разстаться съ мыслью, что львовскій университетъ принадлежитъ Русинамъ, хотя и не дѣлало ничего для осуществленія этой мысли. Наконецъ, уступая давленію, оно предоставило рѣшить вопросъ самимъ борющимся національностямъ (другими словами—предоставило сильнѣйшей оттѣснить слабѣйшую собственными средствами). Въ 1871 г. императорскій рескриптъ отмѣнилъ во львовскомъ университетѣ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ; профессора, которые не могли преподавать на одномъ изъ языковъ края“ (Landessprache), въ продолженіе трехъ лѣтъ имѣли быть перемѣщены въ другіе университеты, и къ препо даванію въ университетѣ должны были на будущее время допускаться только лица, владѣющія однимъ изъ языковъ края, т. е. русинскимъ или польскимъ.

Это распоряженіе, такимъ образомъ, не рѣшало вопроса о языкѣ преподаванія. Но при тогдашнемъ положеніи обѣихъ народностей результатъ очень легко можно было предвидѣть. Въ продолженіе трехъ лѣтъ факультеты философскій и юридическій [1]) были замѣщены Поляками, благодаря дружнымъ усиліямъ польской администраціи, университета и министерства, въ которомъ польское вліяніе было достаточно сильно. Отысканы были подающія надежды лица польской народности и имъ дана возможность подготовиться къ преподаванію; за неимѣніемъ мѣстныхъ силъ были приглашены Поляки-

1) Богословскаго факультета реформа не касалась, а медицинскаго тогда во Львовѣ еще не было.

преподаватели или заявившіе себя въ наукѣ люди изъ Россіи, изъ Германіи и т. д. Въ 1874 г. львовскій университетъ былъ уже фактически польскимъ и, разъ завладѣвъ университетомъ, Поляки оказались въ немъ вполнѣ господами положенія, благодаря университетской автономіи.

Въ Австріи автономія университетовъ и de jure довольно значительна; если же за профессорскою корпораціею, какъ въ данномъ случаѣ—за польскою корпораціею львовскаго университета, стоитъ и мѣстная администрація, и могущественное вліяніе польскаго шляхетскаго клуба и другія связи, то университетъ является твердынею, можно сказать, неприступной. Вакантныя кафедры замѣщаются министерствомъ кандидатами, предложенными факультетомъ; факультетъ иногда предлагаетъ нѣсколькихъ кандидатовъ на выборъ, иногда только одного; замѣщенія помимо предложенія факультета случаются рѣдко и принимаются съ неудовольствіемъ, какъ нарушеніе автономіи. Допущеніе къ преподаванію (venia legendi) зависитъ вполнѣ отъ факультета. Чтобы получить званіе приватъ-доцента, кандидатъ, имѣющій степень доктора даннаго факультета, долженъ представить самостоятельную научную работу [1]), а по принятіи ея факультетомъ—подвергнуться устному испытанію въ засѣданіи факультета (colloquium) и прочесть двѣ пробныя лекціи. Признавъ всѣ эти стадіи испытанія удовлетворительными, факультетъ представляетъ кандидата министру къ утвержденію въ званіи приватъ-доцента: министръ запрашиваетъ мѣстную администрацію относительно политической благонадежности кандидата и утверждаетъ его, получивъ благопріятный отвѣтъ. Приватъ-доценты или профессора, желающіе перенести свое преподава-

1) Отъ диссертаціи на степень доктора философіи полной самостоятельности изслѣдованія не требуется, по крайней мѣрѣ—не въ большой степени. Докторатъ же, правъ и медицины дается на основаніи только устныхъ испытаній, безъ диссертаціи.

ніе въ другой университетъ, нуждаются также въ согласіи факультета этого университета.

Я нарочно остановился на этихъ порядкахъ, чтобы дать понять, какое значеніе имѣетъ факультетъ при замѣщеніи каѳедръ и допущеніи къ университетской дѣятельности, какимъ полнымъ хозяиномъ и въ положительномъ и въ отрицательномъ смыслѣ является онъ въ этихъ вопросахъ. Противъ воли факультета почти нѣтъ возможности проникнуть въ университетъ (если министерство не имѣетъ намѣренія ему насолить—чего при галицко-вѣнскихъ отношеніяхъ нѣтъ возможности допустить). Оцѣнка научнаго качества диссертаціи, удовлетворительности устнаго испытанія, лекторскихъ достоинствъ при пробныхъ лекціяхъ—все это вещи, почти не поддающіяся учету, и на судъ факультета здѣсь нѣтъ апеляціи. Провалиться же при габилитаціи, получить неблагопріятную оцѣнку своей диссертаціи отъ факультета и т. п.—все эти вещи очень тяжелыя для каждаго лица, дорожащаго своей научной репутаціей, и поэтому очень трудно разсчитывать на смѣльчаковъ, которые бы рисковали искать veniam legendi, зная, что для факультета они являются нежелательными гостями.

И вотъ мы видимъ, что завладѣвъ фактически университетомъ, польская корпорація удерживаетъ его въ полномъ своемъ обладаніи. За исключеніемъ нѣсколькихъ каѳедръ, учрежденныхъ спеціально для преподаванія на русинскомъ языкѣ,—ихъ въ 1840—1860 гг. было учреждено четыре [1]), а потомъ явилось еще двѣ [2]),—всѣ остальные каѳедры замѣщались исключительно Поляками. За все это время факультетами

---

[1]) Каѳедра украинскаго (русинскаго) языка и литературы—на философскомъ факультетѣ, гражданскаго права, уголовнаго права и процесса—на юридическомъ, пастырскаго богословія—на богословскомъ.

[2]) Каѳедра всеобщей исторіи (съ 1894 г.) и вторая каѳедра украинскаго языка съ присоединеніемъ церковнославянскаго языка и украинской церковной литературы (съ 1899 г.)—на философскомъ факультетѣ.

не было предложено министерству на эти каѳедры ни одного кандидата русинской народности. Зная настроеніе факультетовъ, права преподаванія во львовскомъ университетѣ обыкновенно искали только лица, надѣявшіяся проплыть благополучно подъ исключительно-счастливыми созвѣздіями [1]). Остальные уходили въ другіе университеты—чешскіе, хорватскіе, нѣмецкіе. Такъ изъ Русинъ-Галичанъ, преподававшихъ въ другихъ университетахъ въ 1880—90 гг., извѣстны мнѣ: извѣстный физіологъ Горбачевскій—въ пражскомъ университетѣ, извѣстный физикъ и электротехникъ Пулюй въ пражской политехникѣ, извѣстный окулистъ Борисикевичъ въ грацскомъ университетѣ, славистъ Калужняцкій и историкъ Мильковичъ въ черновецкомъ, юристъ Зобкивъ въ загребскомъ и т. д.

Даже во львовской политехникѣ, гдѣ не было національнаго вопроса, такъ какъ ей съ самаго основанія, въ 1870-хъ гг., правительствомъ былъ сообщенъ польскій характеръ, и вслѣдствіе того, что среди студентовъ было мало Русинъ, вопросъ о преподаваніи на украинскомъ языкѣ и не подымался—даже здѣсь получали кафедры Русины (минералогъ Медведскій, ботаникъ Волощакъ, механикъ Маринякъ, технологъ Залозецкій и т. п.). Но въ двери львовскаго университета стучаться обыкновенно не дерзали. Если же кто либо, „не спросясь броду“, пробовалъ счастья во львовскомъ университетѣ, то результатъ часто былъ неблагопріятный. Такъ неудачны были пробы д-ра Зобкова, отъ котораго факультетъ сначала не принялъ прошенія, потомъ забраковалъ диссертацію на основаніи

---

1) Этимъ объясняется „огромный“ процентъ Русиновъ, допущенныхъ къ чтенію лекцій, который фигурируетъ у апологетовъ польскаго режима: изъ кандидатовъ Русиновъ получило veniam legendi 75%, а Поляковъ только 40%. Нужно только прибавить, что всѣхъ кандидатовъ Русиновъ при этомъ было 4 (позднѣйшія забраковки, о которыхъ я говорю, здѣсь не приняты въ разсчеты), а Поляковъ нѣсколько десятковъ...

которой онъ однако получилъ затѣмъ veniam docendi въ Загребѣ, и, наконецъ, отклонилъ его просьбу о допущеніи къ преподаванію въ качествѣ суплента [1]) на вакантной тогда каѳедрѣ гражданскаго права. Такъ потерпѣлъ неудачу д-ръ Франко, искавшій veniam legendi по исторіи литературы и этнографіи (онъ былъ принятъ факультетомъ, но не утвержденъ вслѣдствіе неблагопріятной аттестаціи галицкой польской администраціи), и не возобновлялъ послѣ того уже попытокъ къ университетской дѣятельности. Такъ потерпѣлъ неудачу д-ръ Мильковичъ, занявшій затѣмъ каѳедру въ черновецкомъ университетѣ. Такъ не принята была диссертація д-ра Студинскаго, который вслѣдъ затѣмъ на основаніи ея же получилъ veniam legendi въ Краковѣ и немного позже, когда заблистало благопріятное созвѣздіе, былъ приглашенъ на каѳедру изъ Кракова во львовскій университетъ. Такъ, наконецъ, недавно былъ принужденъ взять назадъ свое прошеніе математикъ д-ръ Левицкій...

Для Русиновъ оставались доступными (и то при наличности благопріятныхъ созвѣздій) только упомянутыя каѳедры съ русинскимъ языкомъ. Но и тутъ не обходилось безъ попытокъ въ противоположномъ смыслѣ. Въ 1880 г. юридическій факультетъ предложилъ министру упразднить каѳедры съ русинскимъ языкомъ (въ то время было ихъ двѣ, обѣ экстраординатуры), а вмѣсто нихъ учредить вторую ординатуру гражданскаго права общаго характера, т. е. безъ ограниченія русинскимъ языкомъ, а съ правомъ преподаванія или по русински или по польски (какъ мы знаемъ, такая альтернатива существовала для всѣхъ общихъ каѳедръ, на этомъ основаніи фактически обращенныхъ въ каѳедры польскія). Министерство однако на это не согласилось. Въ 1890-хъ гг. была попытка, забраковавъ кандидата Ру-

---

1) Суплентами называются лица безъ званія приватъ-доцента, допущенныя временно къ чтенію лекцій по вакантной каѳедрѣ впредь до ея замѣщенія.

сина, провести на вакантную каѳедру гражданскаго права доцента Поляка, но попытка эта также не удалась, и въ концѣ концовъ пришлось назначить Русина. Наличныя каѳедры были сохранены.

Такой характеръ университетскихъ отношенiй началъ возбуждать въ украинскихъ (русинскихъ) кругахъ Галицiи все болѣе рѣшительное неудовольствiе съ подъемомъ нацiональной жизни, съ ростомъ интеллизенцiи, съ увеличенiемъ ея культурныхъ и научныхъ гапросовъ, начинающимся особенно съ 1890-хъ годовъ.

Культурныя силы наростали. Число студентовъ-Русиновъ все увеличивалось. Потребность въ украинскихъ курсахъ чувствовалось все живѣе, и сознавалась возможность ихъ созданiя. Началась замѣтная научная работа въ реорганизованномъ „Науковомъ товариствѣ iмени Шевченка". Указывали на лицъ, которыя могли бы вполнѣ удовлетворить требованiямъ университетскаго преподаванiя. Въ Россiи указывались лица, которыя были не прочь взять на себя преподаванiе тѣхъ или иныхъ курсовъ на украинскомъ языкѣ во львовскомъ университетѣ...

На эти или подобныя представленiя съ русинской стороны—со стороны польской обыкновенно отвѣчали увѣренiями, что Поляки готовы удовлетворять всѣ *дѣйствительныя* (по оцѣнкѣ Поляковъ) культурныя (но не политическiя!) потребности Русиновъ, и увеличенiе русинскихъ каѳедръ зависитъ только отъ наличности научныхъ силъ, а университетъ не будетъ дѣлать никакихъ препятствiй имъ въ достиженiи veniae legendi, и т. п. Но дѣйствительность плохо гармонировала съ этими увѣренiями. Сильное впечатлѣнiе въ украинскомъ обществѣ Галицiи произвелъ упомянутый выше эпизодъ, когда по смерти профессора гражданскаго права-Русина, занимавшаго каѳедру съ преподаванiемъ на русинскомъ языкѣ, искавшiй доцентуры д-ръ Зобкивъ былъ забракованъ, а преподаванiе было поручено доценту-Поляку. Нѣсколько другихъ проваловъ кандидатовъ-Русиновъ около этого же времени

усилили впечатлѣніе. Стали появляться голоса, все болѣе и болѣе настойчивые, что пока вопросъ о русинскихъ доцентурахъ и каѳедрахъ будетъ рѣшаться факультетами, состоящими изъ профессоровъ-Поляковъ, онъ будетъ безнадежнымъ. Единственнымъ выходомъ признавалось основаніе отдѣльнаго украинскаго университета, для котораго отчасти нашлись бы готовыя силы, отчасти могли бы быть приготовлены впродолженіи двухъ-трехъ лѣтъ, если бы это дѣло поведено было при участіи учрежденій, интересующихся культурными успѣхами Русиновъ, какъ „Наукове товариство ім. Шевченка", которое въ этомъ смыслѣ обращалось съ записками въ министерство, и т. п. Но на эти представленія изъ министерскихъ и другихъ сферъ опять получился отвѣтъ, что нужно прежде всего имѣть готовыя силы—профессоровъ и доцентовъ; рекомендовалось пріобрѣтать veniam legendi во львовскомъ университетѣ, а предложеніе—обратиться къ вызову преподавательскихъ силъ изъ за границы пропускалось мимо ушей, какъ бы невозможное и неисполнимое, хотя такія замѣщенія заграничными кандидатами практикуются вездѣ сплошь да рядомъ, и постоянно практиковались и практикуются при замѣщеніи каѳедръ польскими силами.

Вопросъ дѣлался жгучимъ. Напряженное состояніе разрѣшилось кризисомъ: осенью 1901 г. произошло столкновеніе съ университетскими властями студентовъ-Русиновъ. Послѣдніе впродолженіе нѣсколькихъ семестровъ напрасно домогались расширенія правъ украинскаго языка въ сношеніяхъ студентовъ съ университетскими органами, наконецъ, раздраженные поведеніемъ университетскихъ властей, они рѣшили коллективно и солидарно выйти изъ львовскаго университета и дѣйствительно поголовно, въ числѣ около 600, выписались изъ львовскаго университета и перешли въ другіе — вѣнскій, пражскій, краковскій. Эпизодъ былъ громкій, со временъ сецессіи студентовъ Нѣмцевъ изъ пражскаго университета—небывалый. Въ русинскихъ

кругахъ онъ вызвалъ цѣлое движеніе. Вопросъ дебатировался цѣлые мѣсяцы во всевозможныхъ формахъ, включительно до крестьянскихъ „віч“ (митинговъ). Была собрана очень значительная для убогаго русинскаго населенія Галичины сумма (ок. 60.000 кронъ), чтобы доставить студентамъ-сецессіонистамъ средства для продолженія образованія въ другихъ университетахъ; немало жертвовали при этомъ и крестьяне. Предлагались даже проекты основанія русинскаго университета по подпискѣ, но это, конечно, было неосуществимо, даже независимо отъ огромныхъ необходимыхъ для этого средствъ также и потому, что получить права для такого университета было бы немногимъ легче, чѣмъ добиться основанія государственнаго русинскаго университета. Сочувствія Русинамъ-сецессіонистамъ выражались также прогрессивными элементами среди польской и еврейской университетской молодежи.

Но тѣ польскія сферы, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе этого вопроса, перенесли этотъ эпизодъ чрезвычайно стоически. Никакихъ уступокъ, чтобы впредь не повадно было! Въ этомъ смыслѣ были сдѣланы надлежащія представленія правительству, — и на всѣ запросы, депутаціи, меморіалы съ русинской стороны министръ отвѣчалъ: пока продолжается сецессія, не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо уступкахъ; когда студенты-Русины вернутся во львовскій университетъ, тогда правительство и университетъ сдѣлаютъ все возможное въ смыслѣ исполненія русинскихъ требованій. Студенты дѣйствительно вернулись во львовскій университетъ съ зимнимъ семестромъ 1902 г., — но въ смыслѣ расширенія правъ украинскаго языка въ сферѣ администраціи или въ сферѣ преподаванія въ университетѣ не было сдѣлано *ничего*, ни тогда, ни позже.

Съ тѣхъ поръ прошло почти три года — вопросъ стоялъ на мертвой точкѣ. На повторяющіяся отъ времени до времени представленія, депутаціи, запросы о

необходимости отдѣльнаго украинскаго университета, о невозможности нынѣшняго положенія вещей и т. п. давались старые отвѣты. Впрочемъ, ихъ нѣсколько разнообразили: иногда министръ указывалъ на недостатокъ средствъ у государства, иногда повторялся совѣтъ—прежде всего позаботиться приготовленіемъ доцентовъ (взять на себя эту работу правительство, очевидно, не считало себя обязаннымъ), и высказывалась увѣренность, что львовскій университетъ съ своей стороны не будетъ дѣлать никакихъ препятствій, и т. д. Но въ русинскихъ кругахъ надежда достигнуть этимъ путемъ чего либо давно исчезла. Съ польской стороны не переставали высказываться соображенія и аргументы и противъ умноженія русинскихъ каѳедръ въ нынѣшнемъ университетѣ, и противъ учрежденія отдѣльнаго русинскаго университета, и на каждомъ шагу Русинамъ приходилось натыкаться на непроницаемую стѣну при *всякой* попыткѣ подвинуть впередъ этото вопросъ. Если находились смѣльчаки, пожелавшіе испробовать счастья на университетскомъ поприщѣ — то... о результатахъ попытокъ говорилъ я выше. А всѣ попытки расширить кругъ преподаваній на русинскомъ языкѣ или сферу употребленія этого языка въ университетской практикѣ разбивались о заявленія, что университетъ этотъ польскій, и о расширеніи правъ русинскаго языка не можетъ быть рѣчи. И только какъ выраженіе отчаянія въ виду невозможности достигнуть чего либо путемъ представленій, петицій, жалобъ и т. д.,—должны быть оцѣниваемы рѣзкія демонстраціи со стороны русинскаго студенчества, имѣвшія мѣсто въ послѣдніе годы—почти ежегодно.

Какіе же аргументы противоставлялись этимъ требованіямъ и желаніямъ Русиновъ имѣть свой особый русинскій (украинскій) университетъ, а пока онъ будетъ учрежденъ—добиться расширенія круга украинскаго преподаванія въ теперешнемъ университетѣ? Разсматривая этотъ вопросъ „исключительно съ точки зрѣніи національной справедливости“, защитники поль-

скаго владѣнія приводятъ такія соображенія противъ этого требованія. Студенты-Русины составляютъ весьма малую величину сравнительно со студентами-Поляками, какихъ нибудь 200 студентовъ—для отдѣльнаго университетъ это слишкомъ мало; бюджетъ русинскаго университета пропорціонально числу своихъ слушателей долженъ быть весьма ничтоженъ, и потому самый университетъ, въ случаѣ учрежденія, будетъ такъ жалокъ, что Русины предпочтутъ идти въ чужіе университеты, какъ и теперь будто бы предпочитаютъ параллельные польскіе курсы русинскимъ. Панегиристы польской культурной миссіи, повидимому, склонны думать, что преподаваніе на русинскомъ языкѣ не можетъ стоять на такомъ уровнѣ, какъ преподаваніе на языкѣ польскомъ, и не прочь отъ предположеній, что всякія учебныя заведенія съ украинскимъ языкомъ приносятъ весьма сомнительную пользу благодаря русинскому языку. Наконецъ, пророчествуютъ они, для украинскаго университета не найдется и профессоровъ, такъ какъ, несмотря на то, что Русины во львовскомъ университетѣ не испытываютъ никакихъ препятствій и процентъ русинскихъ диссертацій, принятыхъ факультетомъ, превосходитъ процентъ польскихъ [1]), Русины до сихъ поръ „открыли лишь 7 русинскихъ каѳедръ", что, по мнѣнію польскихъ публицистовъ, вполнѣ очевидно доказываетъ ихъ „равнодушное отношеніе къ наукѣ".

Эти ходячіе доводы галицко-польскихъ шовинистовъ однако довольно сильно расходятся съ дѣйствительностью, не говоря уже о „національной справедливости".

Такъ, число студентовъ-Русиновъ вовсе ужъ не такъ ничтожно въ сравненіи съ числомъ Поляковъ какъ представляютъ польскіе публицисты. Число Поляковъ и здѣсь выше дѣйствительнаго, такъ какъ заключаетъ въ себѣ и Евреевъ, bongré-malgré фигурирующихъ въ рубрикѣ польской народности въ университетской, какъ и всякой другой здѣшней статистикѣ и

[1]) Объ этомъ блистательномъ процентѣ я говорилъ уже выше.

поднимающихъ ея численность ad majorem Polon gloriam; требованія студентовъ-Евреевъ, чтобы и выдѣлили въ особую національную категорію, до си поръ оставались безуспѣшными. Оставляя въ сторо число Русиновъ и Поляковъ въ другихъ универси тахъ, приводимое польскими публицистами, но не и щее къ дѣлу, такъ какъ ни Русины, ни Поляки имѣютъ претензій на учрежденіе своихъ унаверси товъ въ Вѣнѣ или Прагѣ, я обращусь лишь къ цифра студентовъ львовскаго университета.

Польскіе публицисты для зимняго семестра 1896 97 г. отмѣчаютъ: Поляковъ 1.094; Русиновъ 443.] дѣйствительности въ числѣ Поляковъ фигурирую въ этой табличкѣ 316 Евреевъ, не считая нѣко рыхъ болѣе мелкихъ группъ (Армянъ, Русиновъ изъ к тегоріи непомнящихъ родства и т. п.), и въ дѣйствител ности главныя составныя части львовскаго студенчест 1896—97 г. представлялись такъ: Поляковъ около 77 Русиновъ ок. 450, Евреевъ 316, на общее число 155 Въ зимнемъ семестрѣ 1905/6 г. во Львовѣ Русиновъ бы ок. 860 (вписалось въ рубрику русинской народнос 856). По факультетамъ распредѣлялись они такъ: бо словскій 296, юридическій 328, медицинскій 13, фил софскій 219. Какъ видимъ, за исключеніемъ медици скаго факультета (вообще малочисленнаго) цифры Рус новъ-студентовъ были уже тогда вполнѣ достаточн для того, чтобы изъ нихъ хоть сейчасъ сформирова отдѣльный университетъ изъ трехъ факультетовъ [1]. В Австріи и внѣ ея были и есть университеты горазд менѣе людные. Такъ напр., университетъ въ Черн цахъ только въ послѣдніе годы началъ приближат къ числу 400 студентовъ на всѣхъ трехъ своихъ ф культетахъ, а въ прежніе годы имѣлъ гораздо меньш

[1]) Теперь число студентовъ-Русиновъ львовскаго ун верситета доходитъ до тысячи, или переходитъ за тыся точныхъ цифръ не можемъ указать, такъ какъ съ 1906 рубрика національностей вовсе исключена изъ отчето львовскаго университета. Очевидно, эта статистика нац нальностей становится неудобной кое кому.

Итакъ, совершенно напрасно говорить, что для русинскаго университета нѣтъ студентовъ. Не болѣе основательно утвержденіе, что для такого университета не нашлось бы профессоровъ. Можно указать среди галицкихъ Русиновъ цѣлый рядъ людей, заявившихъ себя научными работами, которые могли бы и занимали бы несомнѣнно каѳедры во львовскомъ университетѣ при иныхъ условіяхъ. Рядъ Галичанъ занимаетъ каѳедры въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Австріи; несомнѣнно, нашлись бы желающіе занять каѳедры съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ и изъ Россіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ три года, назначенные для націонализаціи львовскаго университета въ 1870 гг., можно бы теперь сформировать украинскій университетъ во Львовѣ, въ качественномъ отношеніи не уступающій вовсе тому, какой былъ сформированъ въ 1871—4 гг. Какими причинами вызывается нынѣшнее, усматриваемое польскими публицистами „равнодушіе“ Русиновъ къ университетской дѣятельности, вслѣдствіе котораго Русины „открыли“ лишь семь кафедръ,—достаточно выяснено предшествующимъ. Слѣдуя этой аргументаціи, я могъ бы подобнымъ образомъ вывести заключеніе о чрезвычайномъ равнодушіи къ наукѣ Поляковъ въ Россіи въ виду того, что число профессоровъ Поляковъ въ Варшавѣ въ 1870—1890 гг. постоянно убывало, и ихъ мѣста занимали Великороссы и Украинцы. Я могъ бы съ такимъ же совершенно основаніемъ говорить о чрезвычайномъ равнодушіи къ наукѣ Евреевъ въ Россіи также точно и по точно тѣмъ же причинамъ, что и въ Галиціи, и, въ концѣ концовъ, пользуясь этимъ методомъ, могъ бы придти къ заключенію о болѣе низкомъ культурномъ уровнѣ Поляковъ и Евреевъ въ Россіи сравнительно съ Великороссами и Украинцами...

Къ наукѣ и галицкіе Украинцы не равнодушны, даже очень. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, они интересуются ею и заявляютъ себя научною дѣятельностью (см. ученыя изданія „Наукового товариства

im. Шевченка“, давно обратившія на себя вниманіе въ ученыхъ сферахъ, и весьма значительныя, несмотря на стѣсненное матеріальное положеніе этого единственнаго высшаго ученаго учрежденія Галицкой Руси). При весьма стѣсненномъ матеріальномъ положеніи они ухитряются предпринимать ученыя экскурсіи, ѣздятъ въ большіе ученые центры и за границу для усовершенствованія. Только къ университетской дѣятельности приходится имъ быть „равнодушными“, такъ какъ не въ ихъ силахъ измѣнить ея условія.

Относительно *потребности* украинскаго университета во Львовѣ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Оставляя въ сторонѣ безчисленныя резолюціи, петиціи, представленія, записки, запросы, депутаціи, исходившія по этому вопросу за послѣднія шесть лѣтъ отъ русинскихъ депутатскихъ клубовъ, ученыхъ обществъ, митинговъ студенческихъ и всеобщихъ, городскихъ и даже сельскихъ,—я укажу лишь общія соображенія, не оставляющія мѣста сомнѣнію. Львовъ является въ настоящее время центромъ національной жизни украинской народности Галичины; ея культурные запросы за это время сильно выросли и культурный уровень поднялся,—это видно въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ. Число студентовъ-Русиновъ львовскаго университета служитъ также наглядным свидѣтельствомъ количественнаго и качественнаго наростанія интеллигенціи. Все это само по себѣ даетъ подразумѣвать необходимость русинскаго университета. Но онъ необходимъ также въ силу причинъ болѣе практическаго характера. Существуетъ рядъ гимназій, въ кототрыхъ всѣ предметы преподаются по-русински; это обстоятельство одно уже дѣлаетъ весьма желательнымъ существованіе философскаго факультета русинскаго, гдѣ будущіе преподаватели среднихъ учебн. заведеній могли бы прослушать курсы на томъ языкѣ, на которомъ имъ предстоитъ преподавать [1].

[1] Философскій факультетъ австрійскихъ университетовъ соотвѣтствуетъ вмѣстѣ взятымъ факультетамъ историко-филологическому, естественному и математическому университетовъ Россіи.

То же самое нужно сказать и о юридическомъ факультетѣ: эти сотни Русиновъ-юристовъ не только изъ чисто культурныхъ, но и практическихъ мотивовъ желали бы прослушать курсъ юридическихъ наукъ на родномъ языкѣ, которымъ будутъ затѣмъ пользоваться въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Пущенное въ курсъ польскими публицистами сообщеніе, что студенты Русины предпочитаютъ параллельные курсы русинскимъ, относится къ разряду беллетристики; я могу сказать это достаточно рѣшительно [1]).

Полнымъ незнаніемъ грѣшатъ соображенія, что отдѣльный русинскій университетъ могъ бы получить очень небольшія средства, сообразно числу студентовъ, и потому былъ бы очень жалокъ. Бюджетъ университета вовсе не зависитъ отъ числа студентовъ; краковскій университетъ, напр., имѣетъ слушателей гораздо меньше львовскаго, а въ немъ каѳедръ и преподавателей больше, чѣмъ во львовскомъ. Всѣ главныя каѳедры должны существовать одинаково, имѣетъ ли факультетъ 20 или 2,000 студентовъ. Впрочемъ, какъ мы видѣли уже, украинскій университетъ изъ трехъ факультетовъ во Львовѣ уже теперь имѣлъ бы вполнѣ достаточный контингентъ слушателей.

И средства для этого нашлись бы. Правительство находитъ возможнымъ содержать дорогой медицинскій факультетъ во Львовѣ для ста студентовъ,—содержаніе русинскаго университета изъ трехъ факультетовъ не обошлось бы дороже. Въ 1870 гг. оно не пожалѣло средствъ для основанія отдѣльнаго университета для маленькой Буковины, съ ея полумилліоннымъ (тогда) населеніемъ, а собственно—въ интересахъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ мѣстнаго нѣмецкаго населенія. И

[1]) Профессорамъ Русинамъ раньше рекомендовалось читать отъ времени до времени курсы по польски изъ куртуазіи для господствующей польской корпораціи: и Русины-де не исключительно читаютъ по русински. Но въ настоящее время этотъ благой совѣтъ уже никѣмъ не исполняется.

теперь оно учредило отдѣльный юридическій факультетъ для студентовъ-Итальянцевъ небольшого иннсбрукскаго университета, мотивируя это тѣмъ, что національный антагонизмъ нѣмецкихъ и итальянскихъ студентовъ препятствуетъ правильному теченію академической жизни иннсбрукскаго университета. Если нашлись средства для удовлетворенія культурныхъ запросовъ немногочисленнаго [1]) итальянскаго населенія Австріи (при существованіи итальянскихъ университетовъ не въ дальнемъ разстояніи за границей), и правительство такъ близко принимаетъ къ сердцу правильное теченіе академической жизни въ Иннсбрукѣ, то оно, конечно, нашло бы средства для отдѣльнаго университета русинскаго, для удовлетворенія культурной потребности 4 милл. своего русинскаго населенія и устраненія весьма обостреннаго національнаго антагонизма во львовскомъ университетѣ. Но препятствіе встрѣчается со стороны польской: польскіе правящіе круги и общество противодѣйствуютъ культурной эмансипаціи Русиновъ и видятъ во всякомъ культурномъ пріобрѣтеніи ихъ новый ударъ своему господству въ краѣ (stanu posiadania). Они рѣшительно противятся изъ этихъ соображеній и учрежденію отдѣльнаго русинскаго университета, и умноженію русинскихъ каѳедръ, проявляютъ въ этомъ вопросѣ чрезвычайную заботливость объ интересахъ государственнаго казначейства и отважно свидѣтельствуютъ о недостаткѣ культурныхъ средствъ у Русиновъ, отсутствіи у нихъ научныхъ преподавательскихъ силъ и „равнодушіи“ ихъ къ наукѣ.

О „національной справедливости“ лучше ужъ и не говорить въ виду этого.

III.

19 параграфъ австрійской конституціи, утверждающій національную равноправность народовъ Австріи,

---

[1]) По переписи 1900 г. въ Австріи (Цислейтаніи) было 727 тыс. итальянцевъ.

постановляетъ, что каждой народности государства должна быть предоставлена возможность получать образованіе на своемъ родномъ языкѣ, чтобы она не была поставлена въ необходимость учиться чужому языку. Въ восточной Галиціи, гдѣ украинское-(русинское) населеніе составляетъ около 70%, при 13% евреевъ и около 16% поляковъ, интересы украинскаго большинства, мѣстнаго коренного населенія, имѣютъ, конечно, преимущественное право на вниманіе и мы вправѣ ожидать, что въ организаціи школьнаго дѣла они прежде всего будутъ приняты въ разсчетъ. Къ услугамъ украинскаго населенія будутъ навѣрно созданы школы всѣхъ типовъ, начиная отъ начальныхъ и кончая высшими, и ему будетъ предоставлена полная возможность просвѣщаться на своемъ родномъ языкѣ. Конечно, это его естественное право—только утверждаемое, а не создаваемое указаннымъ параграфомъ конституціи, его „національное право". Но увы—ни это „національное право", ни основной законъ не обезпечиваютъ этой возможности въ дѣйствительности, и эта дѣйствительность стоитъ въ полномъ контрастѣ съ признаннымъ закономъ правомъ украинскаго населенія на національную школу. Мы видѣли это на примѣрѣ университета—теперь увидимъ то же на примѣрѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

Необходимость національзаціи школы въ интересахъ культурнаго развитія украинскаго населенія Галиціи сознавалась уже при первомъ пробужденіи русинской народности. Въ 1848 г. это сознаніе проявилось съ особой силой, и сдѣланныя въ этомъ смыслѣ представленія правительству имѣли тогда результатомъ извѣстное намъ уже распоряженіе отъ 4 дек. 1848 г., объявлявшее, что нѣмецкій языкъ въ преподаваніи гимназій русинскихъ частей Галиціи сохраняется временно, пока наличность преподавателей, владѣющихъ русинскимъ языкомъ, не дастъ возможности ввести преподаваніе на этомъ послѣднемъ. Однако и тутъ, какъ и въ университетскомъ вопросѣ, правительство само

ничего не сдѣлало для приготовленія такихъ преподавателей и введенія русинскаго языка, и гимназіи сохранили свой нѣмецкій характеръ вплоть до самой конституціонной эры—до 1867 г., принесшаго вмѣстѣ съ признаніемъ права народностей націонализацію школы. Но, какъ мы знаемъ, отношенія въ Галиціи за это время успѣли радикально измѣниться сравнительно съ 1848 годомъ, и правительство, склонное тогда поддерживать культурныя и національныя стремленія русинской народности, въ 1860-хъ годахъ признало вполнѣ гегемонію польской шляхты въ Галиціи. Въ результатѣ при замѣнѣ нѣмецкаго преподаванія въ гимназіяхъ Галиціи „мѣстными языками" только *одна* гимназія—старая „академическая" гимназія Львова—получила (и то не сразу) преподаваніе на языкѣ русинскомъ, въ двухъ гимназіяхъ сохраненъ нѣмецкій языкъ (въ интересахъ, главнымъ образомъ, еврейскаго населенія), а во всѣхъ остальныхъ введено преподаваніе на польскомъ языкѣ.

Это пріобрѣтеніе польскіе владыки Галиціи поспѣшили закрѣпить за собою статутомъ, принятымъ галицкимъ сеймомъ, не смотря на энергическую оппозицію русинскаго меньшинства (статутъ 22 іюня 1867 г., § 7). На основаніи его введеніе на будущее время русинскаго языка въ преподаваніе какой либо гимназіи или реальнаго училища, или открытіе средняго учебнаго заведенія съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ могло состояться не иначе, какъ по особому постановленію галицкаго сейма, которому имѣетъ предшествовать еще благопріятный отзывъ мѣстной „повѣтовой рады" (уѣздной земской управы). Этотъ статутъ остается до сихъ поръ единственнымъ и исключительнымъ: въ прочихъ провинціяхъ Австріи подобное ограниченіе совершенно неизвѣстно. Несмотря на свою исключительность, онъ, однако, благодаря всемогущему вліянію польскаго клуба, получилъ санкцію правительства и сохраняетъ силу до сихъ поръ. Тенденція его очевидна: галицкій сеймъ, въ которомъ избирательная система

обезпечиваетъ подавляющее большинство представителямъ польской народности, сдѣлался властнымъ блюстителемъ господства польскаго языка въ средней школѣ. Онъ можетъ наложить veto на каждую попытку правительства сдѣлать что нибудь для русинской народности въ этой сферѣ. Законъ этотъ обезпечиваетъ польской народности не только дальнѣйшее владѣніе средними школами восточной Галиціи, захваченное въ 1867 г., но и гарантируетъ, что ущербъ, причиненный русинской народности этимъ захватомъ, не будетъ вознагражденъ открытіемъ новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ. Польское представительство края получило привиллегію быть тормозомъ культурнаго движенія русинской народности, и Поляки могли быть спокойны относительно своего культурнаго преобладанія: ключъ къ культурному развитію Русиновъ лежалъ въ ихъ рукахъ.

Изъ этихъ опасныхъ правъ, которыя давалъ имъ законъ 1867 г., польское общество и его сеймовые представители сдѣлали какъ нельзя болѣе рѣшительное употребленіе. Хотя среднія учебныя заведенія открываются правительствомъ на средства государственнаго казначейства (и поэтому всюду въ Австріи учреждаются просто министерствомъ безъ санкціи сеймовъ), Поляки усвоили взглядъ, что каждое новое среднее учебное заведеніе съ русинскимъ языкомъ, учреждаемое въ Галиціи, является уступкою, великодушнымъ даромъ русинской народности съ ихъ стороны, и вообще существованіе такихъ школъ—одно великодушіе со стороны Поляковъ. Съ другой стороны, держась такого взгляда, что каждое культурное пріобрѣтеніе Русиновъ является ущербомъ для полнаго и нераздѣльнаго господства польской народности, Поляки старались не выпускать изъ рукъ этихъ „великодушныхъ подарковъ“ и давали свое согласіе на учрежденіе новыхъ русинскихъ учебныхъ заведеній только въ крайности, т. е. тогда, когда уже никакъ нельзя было его не дать. Такъ бывало, когда центральное правительство произ-

водило съ своей стороны слишкомъ сильное давленіе въ этомъ направленіи, или нужно было дать какую нибудь подачку Русинамъ, какъ вознагражденіе за уступки или потери, причиняемыя имъ какимъ нибудь новымъ смѣлымъ „завоеваніемъ“ Поляковъ въ жизни и устройствѣ края.

При этомъ, однако, принимались еще всѣ мѣры къ тому, чтобы такая новая русинская школа могла какъ можно меньше конкурировать съ школами польскими. Правда, за это уже въ сильной степени ручалась школьная администрація, находящаяся вполнѣ въ польскихъ рукахъ [1], но кромѣ того принимались еще и другія мѣры въ этомъ направленіи. Такъ, польскія сферы, администрація и представительство разъ навсегда приняли принципъ, что русинскія учебныя заведенія могутъ учреждаться только въ городахъ, гдѣ уже имѣются такія же польскія учебныя заведенія. Этотъ принципъ, совершенно нераціональный съ педагогической точки зрѣнія, такъ какъ создаетъ конкурирующія школы въ одной и той же мѣстности вмѣсто того, чтобы учреждать ихъ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ вовсе средней школы, имѣетъ въ виду не допустить того, чтобы Поляки и Евреи, за неимѣніемъ польскаго учебнаго заведенія, отдавали своихъ дѣтей въ русинское, гдѣ они были бы принуждены учиться по украински (русински) и подпадали бы украинизаціи, ruszczeniu, какъ принуждены подпадать полонизаціи (polszczeniu) русинскія и еврейскія дѣти въ польскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Предпочитается оставить дѣтей, въ томъ числѣ и польскихъ, данной мѣстности, не имѣющей никакой гимназіи, вовсе безъ образованія, только бы они не имѣли соблазна поступить въ гимназію русинскую. Русинскія среднія школы польскій сеймъ хо-

[1]) Средними и низшими учебными заведеніями завѣдываетъ „училищный совѣтъ края“ (краева шкільна рада, rada szkolna krajowa), состоящая изъ инспекторовъ и совѣтниковъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника Галиціи.

тѣлъ допустить только въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ, и въ такой формѣ допускалъ первую изъ разрѣшенныхъ имъ русинскихъ гимназій (въ Перемышлѣ). Министерство не нашло возможнымъ держаться вполнѣ этого требованія; но все таки русинскія гимназіи учреждаются сначала въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ, часто въ весьма неудобныхъ, невозможныхъ даже помѣщеніяхъ, имѣющихся при польской гимназіи, и остаются и позже pod jednym dachem съ польской, хотя и получаютъ, достигнувъ полнаго числа классовъ, самостоятельную организацію. И т. п.

Чтобы показать, какъ трудно достается Русинамъ учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній съ русинскимъ языыомъ, я представлю вкратцѣ исторію основанія этихъ школъ, и нѣсколько подробнѣе остановлюсь на весьма характерной исторіи послѣдней изъ нихъ.

Послѣ того, какъ Поляки завладѣли всѣми средними школами въ 1867 г., оставивъ Русинамъ только одну львовскую гимназію, Русинамъ только въ 1880-хъ гг. удалось поставить на очередь дѣло объ учрежденіи новыхъ русинскихъ гимназій. Въ первую очередь былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи русинской гимназіи въ Перемышлѣ (самомъ большомъ центрѣ восточной Галиціи послѣ Львова), гдѣ къ этому времени число учениковъ-Русиновъ доходило до 200, а по австрійскимъ школьнымъ правиламъ двѣсти учениковъ представляютъ число, достаточное для отдѣльной гимназіи. Министерство признавало справедливость этого требованія, но польское большинство сейма отказывало въ своемъ согласіи, прибѣгая ко всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ аргументамъ, начиная съ доводовъ о недостаточномъ числѣ учениковъ и преподавателей-Русиновъ и кончая соображеніемъ, что совмѣстное обученіе учениковъ Русиновъ и Поляковъ способствуетъ смягченію національнаго антагонизма (хотя принудительное обученіе Русиновъ въ польскихъ шко-

лахъ съ польскимъ режимомъ, къ которому на практикѣ сводится эта теорія, именно усиливаетъ антагонизмъ, какъ показываетъ жизнь и какъ, впрочемъ, и по себѣ знаютъ это Поляки, ратующіе противъ подобнаго школьнаго режима въ Россіи и Пруссіи). *Четыре* года (1884—1887) велась борьба въ сеймѣ за эту бѣдную перемышльскую гимназію, и наконецъ Поляки, уступая внушеніямъ, исходившимъ отъ центральнаго правительства, дали согласіе на учрежденіе русинскихъ параллельныхъ классовъ при польской гимназіи, „по мѣрѣ того, какъ въ нихъ окажется потребность". Это рѣшеніе было однако нѣсколько модифицировано при сообщеніи ему правительственной санкціи, и въ принципѣ была рѣшена русинская гимназія: параллельные русинскіе классы пополнялись съ каждымъ годомъ и затѣмъ были сформированы въ отдѣльную гимназію. Съ началомъ учебнаго года 1903—4 она уже имѣла 579 учениковъ и продолжаетъ увеличиваться [1]).

Разрѣшенія на двѣ слѣдующія гимназіи: коломыйскую и тернопольскую были даны при исключительныхъ обстоятельствахъ, и онѣ не проходили чрезъ столь долгія мытарства. Разрѣшеніе на открытіе русинской гимназіи въ Коломыѣ входило въ число тѣхъ „уступокъ", которыя имѣли свидѣтельствовать о перемѣнѣ національнаго курса въ Галиціи, а за цѣну этой перемѣны имѣла состояться такъ называемая ugoda, русинско-польское соглашеніе, заключавшееся въ томъ, что русинская національная партія (народовцї), представлявшая большинство русинской интеллигенціи, должна была принять знамя австрійскаго легитимизма, подобно Полякамъ, а въ дѣйствительности—сдѣлаться вѣрными друзьями или слугами польской правящей партіи и ея господства въ Галиціи. Такъ какъ Русины такого характера соглашенія не предвидѣли и въ дѣйствительности перемѣны національнаго курса не усма-

---

[1]) Статистическія данныя черпаю изъ оффиціальныхъ отчетовъ (Sprawozdanie rady szkolnej krajowej).

тривали, то эта „угода“ просуществовала очень коротко, но оставила послѣ себя нѣкоторыя „концессіи“ русинской народности, въ томъ числѣ и учрежденіе гимназіи въ Коломыѣ.

Гимназія въ Тернополѣ была учреждена по случаю 50-лѣтія правленія нынѣшняго императора. Пользуясь этимъ событіемъ, Поляки рѣшили достигнуть эвакуаціи стараго королевскаго замка въ Краковѣ, занятаго австрійскими казармами. Въ сеймѣ было проведено постановленіе—реставрировать этотъ замокъ на счетъ края, т. е. цѣною спеціальнаго увеличенія податей съ рабочихъ массъ, которыя должны были покрыть милліонные кредиты, вотированные на этотъ предметъ. Такъ какъ это предложеніе имѣло въ виду исключительно польскія національныя цѣли, то чувствовалась ощутительная надобность дать какую нибудь „концессію“ и Русинамъ, и такъ состоялось великодушное разрѣшеніе открыть въ Тернополѣ русинскую гимназію имени имп. Франца-Іосифа.

Открытыя сначала также въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ гимназіяхъ, эти русинскія гимназіи, несмотря на крайне неудобныя, ставшія притчею во языцѣхъ помѣщенія и тяготѣвшую на нихъ руку школьной администраціи, развивались все-таки успѣшно, и въ началѣ школьнаго года 1903—4 коломыйская гимназія, ставшая полной въ 1899—900 г., имѣла уже 485 учениковъ, а тернопольская, въ составѣ всего шести классовъ—497 учениковъ (полною она стала лишь съ 1905 года)

Если бы Русины усвоили вполнѣ ту умѣренность въ требованіяхъ, которую усиленно имъ рекомендуютъ галицкіе Поляки, они для учрежденія слѣдующей гимназіи подождали бы слѣдующаго юбилея императора, и дѣло пошло бы, можетъ быть, глаже. Но будучи въ своихъ культурныхъ требованіяхъ очень прытки, Русины, едва успѣвъ получить отъ Поляковъ великодушный даръ въ видѣ гимназіи въ Тернополѣ, начали хлопотать о новыхъ гимназіяхъ. На первый планъ вы-

ступилъ Станиславовъ, въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ сдѣлавшійся третьимъ (послѣ Львова и Перемышля административнымъ центромъ восточной Галиціи. Число учениковъ-Русиновъ было здѣсь весьма значительно, приближалось къ двумстамъ, не очень многимъ уступая числу Поляковъ, и сначала родители учениковъ, затѣмъ и русинскія общества и институціи начали ходатайствовать передъ школьною администраціей объ открытіи въ Станиславовѣ русинской гимназіи. Послѣ разныхъ препонъ и мытарствъ, поглотившихъ нѣколько лѣтъ, дѣло это вышло на торную дорогу галицкой рутины въ 1900—1 г.: повѣтовая рада поддержала ходатайство, училищный совѣтъ края и министерство признало его законность и основательность. Недоставало только согласія сейма. Но тутъ-то и загвоздка! Большинство сейма рѣшительно не хотѣло согласиться на открытіе новой русинской гимназіи. Въ виду требованій Русиновъ правительство приняло было ее уже въ свою смѣту, но польскій клубъ поставилъ рѣшительно свое veto, и вопросъ переданъ въ сеймъ, а этотъ послѣдній, точнѣе—его польское большинство, рѣшительно не хотѣло дать благопріятнаго рѣшенія вопросу. Положеніе становилось очень неловкимъ. Станиславовская гимназія выросла до значенія вопроса первостепенной важности, заинтересовавшаго политиковъ цѣлой Австріи. Самъ императоръ, пріѣхавъ въ Галицію осенью 1903 г., выражалъ съ рѣдкою въ русинскихъ дѣлахъ рѣшительностью свое желаніе, чтобы сеймъ рѣшилъ вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ. Но большинство постановило выдержать характеръ: сеймъ, сначала отложивъ рѣшеніе вопроса до слѣдующей сессіи, въ концѣ концовъ отказалъ въ своемъ согласіи. Депутаты-Русины сложили свои полномочія. Выбранные снова, они опять поставили вопросъ объ этой несчастной гимназіи. Положеніе дѣлъ на этотъ разъ было иное: Поляки проводили цѣлый рядъ существенныхъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью дальнѣйшее упроченіе ихъ господства въ Галиціи. Во

главѣ ихъ стоялъ законопроектъ о рентовыхъ хозяйствахъ, имѣвшихъ цѣлью раздачу сельскихъ участковъ на льготныхъ условіяхъ польскимъ крестьянамъ, для привлеченія такимъ образомъ польскихъ колонистовъ въ восточную Галицію, въ видахъ ея полонизаціи. Вотированный уже разъ, законъ этотъ не получилъ правительственной санкціи вслѣдствіе рѣзкой оппозиціи Русиновъ, видѣвшихъ въ немъ ударъ, направленный противъ самаго существованіи русинской народности. Нужно было что нибудь „дать“ Русинамъ, и подъ конецъ сессіи было поставлено и вотировано учрежденіе станиславовской гимназіи, какъ своего рода вознагражденіе за очень сдержанную оппозицію депутатовъ-Русиновъ. Эти обстоятельства, при которыхъ была сдѣлана польскимъ большинствомъ уступка, произвели гнетущее впечатлѣніе въ русинскомъ обществѣ и отравили всякое удовольствіе отъ этого пріобрѣтенія.. Вдобавокъ, данная такой дорогой цѣной эта новая русинская гимназія даже въ своемъ окончательномъ осуществленіи встрѣтилась еще съ рядомъ новыхъ препятствій, затормозившихъ ея открытіе, послѣдовавшее только осенью 1905 г.

Такова печальная исторія этой послѣдней гимназіи. Шесть лѣтъ пришлось ее добиваться Русинамъ, какъ Богъ знаетъ какой благодати, и несмотря на сочувствіе этому требованію центральнаго правительства—они получили ее только въ видѣ унизительной подачки польскаго большинства, при обстоятельствахъ, осквернившихъ въ конецъ это новое культурное пріобрѣтеніе. Подобная печальная перспектива предстоитъ, очевидно, и дальнѣйшимъ гимназіямъ, ожидающимъ давно своей очереди. Изъ нихъ опять придется выбрать одну, отодвинувъ прочія на дальнѣйшую очередь. Нужно будетъ годами добиваться, обращаясь ко всѣмъ возможнымъ инстанціямъ, и ждать случая, когда Полякамъ понадобится опять торговать русинскую душу или русинскія кости...

А между тѣмъ, для преподаванія на польскомъ

языкѣ, и такъ уже поставленнаго въ сравненіи съ русинскимъ въ чрезвычайно выгодныя условія, создаются все новыя и новыя школы; для этого не встрѣчается никакихъ препятствій, никакихъ мытарствъ. Съ горечью указываютъ Русины на обстоятельсво, что пока они съ такими трудностями добивались и не могли добиться одной станиславской гимназіи, въ Галиціи учреждено простыми административными распоряженіями *четырнадцать* новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ польскимъ преподаваніемъ [1]). Польская администрація и общество не перестаютъ очень настойчиво указывать на то, что Галиція сравнительно съ своей территоріей и населеніемъ имѣетъ среднихъ школъ гораздо меньше, чѣмъ другія провинціи Австріи, и требуютъ отъ правительства умноженія ихъ числа. Въ этомъ подсчетѣ фигурируетъ русинская (гораздо большая) половина Галиціи и русинское населеніе ея (также нѣсколько превосходящее польское), и если кто имѣетъ право сравнительно съ другими провинціями и народностями Австріи на увеличеніе образовательныхъ средствъ, въ частности среднихъ школъ,— то именно Русины. Но польская администрація, польскіе правители домагаются и получаютъ на основаніи этихъ подсчетовъ школы польскія, а русинскія школы—это ужъ „другое дѣло", со innego какъ говорится обыкновенно. Поляки, совершенно не стѣсняясь, заявляютъ, что русинскія среднія школы „представляются въ нѣкоторомъ родѣ роскошью и, благодаря русинскому преподавательскому языку, приносятъ весьма сомнительную пользу"; по ихъ мнѣнію, увеличеніе числа русинскихъ гимназій даже влечетъ за собою

---

[1]) Это обстоятельство послужитъ отвѣтомъ на польскія разсужденія на тому, что вмѣсто учрежденія новыхъ русинскихъ гимназій лучше бы улучшить матеріальное положеніе учительскаго персонала. Когда учреждаются новыя польскія гимназіи, тогда объ этомъ нѣтъ и помину. А относительно русинскихъ гимназій всякій аргументъ бываетъ хорошъ, лишь бы препятствовалъ или оттягивалъ ихъ учрежденіе.

„пониженіе уровня просвѣщенія“. Но среднія школы съ русинскимъ языкомъ подвѣдомственны тому же школьному совѣту, почти исключительно польскому по своему составу; обученіе происходитъ въ нихъ по учебникамъ, изданнымъ тѣмъ же совѣтомъ; преподавателями являются лица, окончившія университетъ, который Поляки такъ любятъ называть „польскимъ“; испытанію подвергались они въ экзаменаціонной комиссіи польской. Въ виду этого приходится притти къ заключенію, что по мнѣнію польскихъ публицистовъ самъ русинскій (украинскій) языкъ этихъ школъ имѣетъ свойство понижать ихъ культурный уровень. Убѣжденіе очень характерное для польско украинскихъ національныхъ отношеній.

Насколько уже теперь поставлена въ привиллегированныя условія польская школьная молодежь въ сравненіи съ русинскою въ Галиціи, покажутъ намъ нѣсколько цифръ. Къ сожалѣнію только, я долженъ оговориться, что галицкая статистика, вообще, и школьная, въ частности, питаетъ непреодолимое отвращеніе къ національнымъ рубрикамъ и не даетъ возможности надлежащимъ образомъ представить все значеніе и напряженность національной политики Галиціи, такъ что намъ придется ограничиться лишь нѣкоторыми наблюденіями. Учебные отчеты даютъ только двѣ таблицы съ національными рубриками: школъ съ преподаваніемъ на томъ или другомъ языкѣ и состава учениковъ въ концѣ учебнаго года по религіи и національности. При этомъ и здѣсь категоріи національности нуждаются въ поправкахъ. Такъ евреи обыкновенно фигурируютъ въ рубрикѣ Поляковъ. Поэтому таблички учениковъ по національностямъ, приводимыя польскими публицистами, вовсе не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такъ, напр., въ общемъ числѣ учениковъ гимназій Поляковъ 1897/8 г., данномъ въ польскихъ статьяхъ, вызвавшихъ эти замѣтки, въ число Поляковъ включено около 2.700 Евреевъ, составляющихъ свыше 18% общаго числа учениковъ.

Съ началомъ учебнаго года 1903/4 было въ Гали-

ціи 49 среднихъ учебныхъ заведеній (гимназій и реальныхъ училищъ [1]); въ томъ числѣ съ польскимъ преподаваніемъ 43, съ русинскимъ 4, съ нѣмецкимъ 2 [2]). На восточную (русинскую) Галицію приходится въ томъ числѣ польскихъ школъ 25, русинскихъ 4, нѣмецкихъ 2. Итакъ, коренное русинское большинство восточной Галиціи, превосходящее число Поляковъ въ четыре раза, имѣетъ среднихъ школъ съ русинскимъ языкомъ въ шесть разъ меньше, чѣмъ сколько имѣютъ Поляки восточной Галиціи. Одна польская средняя школа приходится здѣсь приблизительно на 30 тыс. польскаго населенія, одна русинская—на 820 тыс. русинскаго населенія!..

Эта вопіющая неравномѣрность оказываетъ весьма существенное вліяніе на культурные успѣхи украинской народности Галиціи. Шансы русинскаго населенія, принужденнаго посылать большинство своихъ дѣтей въ гимназіи и реальныя училища польскія, и шансы населенія польскаго, посылающаго своихъ дѣтей въ гимназіи почти исключительно польскія, совсѣмъ не равны. Перспектива прохожденія курса на языкѣ родномъ или чужомъ оказываетъ чрезвычайное вліяніе на количество дѣтей, пользующихся услугами средней школы. Передъ введеніемъ польскаго языка въ среднія школы число учениковъ Русиновъ въ восточной Галиціи превосходило число Поляковъ. Нѣкоторыя цифры изъ этого времени кажутся теперь почти баснословными. Такъ, напр., въ гимназіи въ Самборѣ въ 1858 г. было 202 Русина, 97 Поляковъ. Въ Дрогобычѣ къ испытаніямъ зрѣлости въ 1870 г. (т. е. уже при польскомъ преподаваніи, но въ такомъ составѣ класса, какъ онъ сложился предъ введеніемъ польскаго языка) приступило 36 Русиновъ и 5 Поляковъ. Теперь, послѣ нѣсколь-

---

[1]) Въ эту цифру включены три филіальныя учебныя заведенія, т. е. параллельные классы, выдѣленные фактически въ отдѣльныя учебныя заведенія.

[2]) Изъ двухъ нѣмецкихъ гимназій одна—въ Бродахъ, теперь также преобразовывается въ польскую.

кихъ энергическихъ „чистокъ“, Русины въ обѣихъ гимназіяхъ оказываются въ меньшинствѣ: по польскому отчету (1902/3 г.) въ Самборѣ было 313 Поляковъ, Русиновъ 166, въ Дрогобычѣ 177 Поляковъ, Русиновъ 125, и вообще число Русиновъ въ среднихъ школахъ восточной Галиціи значительно уступаетъ числу Поляковъ. Въ гимназіяхъ восточной Галиціи въ концѣ учебнаго года 1902/3 было около 6.000 учениковъ Поляковъ и около 4.000 Русиновъ, а съ реальными школами около 7.000 Поляковъ и свыше 4.000 Русиновъ [1]). Переходъ школьнаго дѣла въ руки польской администраціи и введеніе польскаго преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Галиціи были причинами, приведшими къ такой перемѣнѣ. Чтобы возвратить эти отношенія къ нормальнымъ—къ пропорціи населенія—необходимо не только учрежденіе русинскихъ школъ, гимназій и реальныхъ школъ во всѣхъ значительнѣйшихъ пунктахъ восточной Галиціи, но и созданіе отдѣльнаго управленія для русинскихъ школъ. Это требованіе дѣйствительно и занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ національной программѣ галицкихъ Русиновъ, но всѣ напоминанія ихъ о необходимости „раздѣла училищнаго совѣта“ остаются до сихъ поръ безплодными, разбиваясь о противодѣйствіе Поляковъ.

Въ русинскихъ кругахъ не умолкаютъ жалобы на то, что въ рукахъ польской администраціи школьное дѣло, а особенно школы польскія, служатъ ареною національной борьбы; что въ польскихъ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ къ ученикамъ Русинамъ относятся гораздо строже, чѣмъ къ Полякамъ; что они подвергаются здѣсь очень усердной „чисткѣ“ со стороны преподавателей и начальства, весьма усердно противодѣйствующихъ „перепроизводству“ русинской интеллигенціи и энергически искореняющихъ среди русинской

[1]) Въ виду отмѣченныхъ выше свойствъ галицкой школьной статистики цифры Русиновъ и Поляковъ могутъ быть выведены только приблизительно.

молодежи „вольный духъ“ и „національный антагонизмъ“. Такіе факты и поступки, для которыхъ по отношенію къ польской молодежи находятся оправданія въ „юношеской горячности“, „патріотическомъ увлеченіи“, по отношенію къ молодежи русинской караются очень строго и безпощадно. Нѣкоторые эпизоды получили широкую огласку. Таково, напр., недавнее дѣло о преслѣдованіи учениковъ Русиновъ въ бродской гимназіи. Дрогобычъ, извѣстный вообще своими избіеніями русинскихъ младенцевъ, подкосившими прежнее численное преобладаніе учениковъ-Русиновъ въ этой гимназіи, недавно снова напомнилъ о себѣ довольно характернымъ эпизодомъ: антипольскій дебошъ, произведенный въ городѣ *неизвѣстными* людьми, далъ поводъ гимназическому начальству исключить рядъ учениковъ-Русиновъ изъ гимназіи вовсе безъ всякихъ уликъ, а на пріемныхъ экзаменахъ, происходившихъ чрезъ нѣсколько дней по упомянутомъ событіи, изъ 20 Русиновъ, державшихъ экзаменъ, волею судебъ провалилось *семнадцать*.

Этими условіями объясняютъ сравнительную малочисленность Русинъ въ польскихъ школахъ и то обстоятельство, что имъ никогда не удается сравняться въ числѣ съ Поляками. Предохранительный клапанъ по мановенію руки начальства всегда можетъ освободить учебное заведеніе отъ нежелательныхъ излишковъ украинскаго элемента [1]). Напр., напомню такой въ свое время опубликованный фактецъ. Въ самборской гимназіи въ 1898/9 г. было въ VII классѣ 23 Русина, 22 Поляка и 6 Евреевъ; изъ нихъ въ VIII классъ перешло 11 Русиновъ, 21 Полякъ и 6 Евреевъ, провалилось 12 Русиновъ, 1 Полякъ и ни одного Еврея. Равновѣсіе было возстановлено!

---

[1]) Фактъ, не лишенный значенія, что директорами въ учебныхъ заведеніяхъ съ польскимъ языкомъ никогда не назначаются Русины, исключая лицъ вполнѣ отказавшихся отъ своей національности, хотя между преподавателями этихъ учебныхъ заведеній Русиновъ довольно много.

Въ силу подобныхъ эпизодовъ въ русинскомъ населеніи установилась за польскими гимназіями довольно печальная репутація. Независимо отъ нея, самое преподаваніе на польскомъ языкѣ и роль польскаго языка, какъ главнаго предмета въ преподаваніи, является немалымъ препятствіемъ къ успѣшному прохожденію курса Русинами. Польскій языкъ служитъ камнемъ преткновенія для русинскихъ дѣтей, особенно крестьянскихъ, уже на порогѣ гимназіи, и не перестаетъ для нихъ быть имъ и впослѣдствіи. Поэтому, крестьяне, очень часто изъ послѣдняго тянущіеся, чтобы дать дѣтямъ образованіе, неохотно отдаютъ ихъ въ польскія гимназіи. При всѣхъ недостаткахъ гимназій русинскихъ, зависящихъ отчасти отъ общихъ условій школьнаго дѣла въ Австріи, отчасти отъ спеціальнаго вниманія, которымъ пользуются онѣ у польской администраціи, весьма тщательно подбирающей для нихъ составъ преподавателей,—все-таки преподаваніе на родномъ языкѣ очень сильно облегчаетъ прохожденіе въ нихъ курса русинскимъ дѣтямъ, а атмосфера въ нихъ, несомнѣнно, для нихъ легче—хотя, конечно, поблажки не дается и тутъ. Наоборотъ, находясь подъ очень бдительнымъ надзоромъ администраціи, русинскія гимназіи относятся къ своимъ питомцамъ съ требовательностью, несомнѣнно, даже большею, чѣмъ та, какую встрѣчаютъ Поляки въ польскихъ [1]). Напр., въ 1900/1 г. процентъ вышедшихъ

---

[1]) Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что на громадномъ большинствѣ учениковъ русинскихъ гимназій лежитъ бремя, почти невѣдомое ученикамъ Полякамъ: изученіе другого мѣстнаго языка. Въ польскихъ гимназіяхъ долженъ преподаваться украинскій (русинскій) языкъ, какъ необязательный предметъ, въ русинскихъ—польскій. Но украинскій языкъ преподается въ дѣйствительности далеко не во всѣхъ польскихъ гимназіяхъ, преподаваніе его происходитъ по программѣ очень сокращенной сравнительно съ польскимъ и ведется обыкновенно спустя рукава, а учится ему очень мало учениковъ-Поляковъ. Польскій же языкъ въ русинскихъ гимназіяхъ поставленъ очень серьезно: школьное начальство прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы это дѣло было поставлено какъ можно

до окончанія курса и не выдержавшихъ испытаній въ русинскихъ гимназіяхъ далъ 25%, въ польскихъ и нѣмецкихъ гимназіяхъ восточной Галиціи 22%, въ западной Галиціи, гдѣ русинскій элементъ почти отсутствуетъ, около 19%. При пріемныхъ экзаменахъ того же года въ русинскихъ гимназіяхъ не выдержало испытаній 25%, въ прочихъ восточно-галицкихъ—23%; въ западныхъ—18,8%. Но несмотря на эту сравнительную строгость, имѣющую своимъ объектомъ русинскую молодежь во всѣхъ видахъ школъ, все-таки положеніе ея въ русинскихъ гимназіяхъ, благодаря преподаванію на родномъ языкѣ, много сноснѣе и потому наплывъ ея въ эти гимназіи очень значителенъ.

Насколько русинское населеніе дорожитъ русинскими гимназіями, показываетъ уже одинъ тотъ фактъ, что въ четырехъ русинскихъ гимназіяхъ вост. Галиціи обучается половина всѣхъ учениковъ-Русиновъ среднихъ школъ восточной Галиціи—въ 1902/3 г. около 48%. Каждая изъ русинскихъ гимназій притягиваетъ учениковъ изъ очень большого района. Еще большую притягательную силу имѣетъ она для своей ближайшей окрестности. Несмотря на крайне стѣсненное матеріальное положеніе и разныя нововведенія, въ послѣдніе годы еще больше затруднившія доступъ въ среднюю школу неимущему люду [1]), крестьяне ближайшей

лучше и ученики-Русины записывались на этотъ предметъ въ возможно большемъ числѣ. Поэтому ученики русинскихъ гимназій въ огромномъ большинствѣ учатся польскому языку, не всегда даже добровольно. Заботливость о польскомъ языкѣ доходитъ иногда до курьезовъ; напр., при учрежденіи русинской гимназіи въ Коломыѣ прежде всего былъ назначенъ въ эту гимназію преподаватель польскаго языка (необязательнаго предмета!).

[1]) Такъ, увеличена очень значительно плата за ученіе, введена форменная одежда—усложненія, тяжело легшія на неимущіе классы. Былъ ли тутъ умыселъ, какъ подозрѣвали, трудно сказать; но что эти мѣры утруднили и безъ того нелегкій доступъ къ средней школѣ неимущему русинскому населенію, это не подлежитъ сомнѣнію.

окрестности тянутся изъ послѣднихъ силъ къ русинской школѣ. Изъ ближайшихъ подгородныхъ селъ, за нѣсколько верстъ, дѣти ходятъ въ гимназіи пѣшкомъ; крестьяне изъ болѣе дальнихъ мѣстностей держатъ дѣтей въ городѣ на своихъ харчахъ у родныхъ, знакомыхъ и т. д. Такимъ образомъ, открытіе каждой новой русинской гимназіи создаетъ новый контингентъ учениковъ изъ русинскаго крестьянскаго и бѣднаго городского населенія данной мѣстности, страстно рвущагося въ настоящее время къ образованію, къ свѣту, но не имѣющаго возможности посылать дѣтей въ болѣе отдаленныя русинскія гимназіи и далеко не такъ охотно обращающагося къ гимназіямъ польскимъ, съ чужимъ языкомъ и чужимъ режимомъ. Этимъ объясняется быстрый ростъ учениковъ-Русиновъ въ городахъ, гдѣ появляется русинская гимназія. Такъ, 15 лѣтъ тому назадъ, предъ учрежденіемъ русинской гимназіи, въ Перемышлѣ было гимназистовъ-Русиновъ 121, въ 1903 году ихъ тамъ было 546, а въ началѣ 1903—4 г. около 650. Въ Коломыѣ въ концѣ 1889—90 г., предъ открытіемъ русинской гимназіи, было Русиновъ 168, въ концѣ 1902—3 г. 428, въ началѣ 1903—4 г. свыше 500. Въ Тернополѣ въ 1895—6 г. было Русиновъ 151, въ концѣ 1902—3 г. 438, въ началѣ 1903—4 около 560 [1]). Можно себѣ представить, какой переворотъ въ статистикѣ учениковъ, какія перемѣны въ культурѣ края вызвало бы учрежденіе хотя бы приблизительно

---

[1]) Цифры учениковъ при окончаніи школьнаго года вообще значительно ниже его начала; много бываетъ принуждено уйти послѣ первыхъ отмѣтокъ, такъ какъ одинъ плохой баллъ лишаетъ права освобожденія отъ платы за ученіе, а эта довольно высокая плата для очень многихъ создаетъ непреодолимую преграду къ дальнѣйшему обученію. Интересно, что и въ этомъ отношеніи Русины, кажется, поставлены въ худшія условія, чѣмъ Поляки; на это указываетъ разница между восточною и западною Галиціею: въ послѣдней процентъ освобожденныхъ отъ платы выше. Напр., въ 1900—1902 г. въ гимназіяхъ восточной Галиціи было освобождено 65% учениковъ, въ гимназіяхъ западной—74%.

такого числа русинскихъ гимназій, какое слѣдовало бы имѣть украинской народности Галиціи по соображеніямъ „національной справедливости". Если бы они, превосходя числомъ Поляковъ, получили хотя бы приблизительно такое число среднихъ школъ, сколько имѣется теперь школъ съ польскимъ языкомъ, если бы школы съ русинскимъ языкомъ появились во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ и городкахъ восточной Галиціи, цифры національной статистики въ учебныхъ заведеніяхъ измѣнились бы до неузнаваемости [1]).

Теперь посылать своихъ дѣтей въ русинскую гимназію, за десятки и сотни верстъ, для большинства является совершенно недоступною роскошью. Въ 1902—3 г. около 55% всѣхъ Русиновъ-учениковъ среднихъ школъ Галиціи, обучалось въ учебныхъ заведеніяхъ съ не-роднымъ языкомъ (главнымъ образомъ польскимъ), между тѣмъ какъ изъ числа учениковъ-Поляковъ только 2% (*два*!) посѣщало среднія школы съ преподаваніемъ не на польскомъ языкѣ!.. [2]) Еще одна маленькая, но краснорѣчивая цифра...

При чрезвычайномъ, тяжкомъ обѣднѣніи русинскаго населенія Галиціи, при тѣхъ трудностяхъ, которыя встрѣчаютъ русинскихъ дѣтей въ школѣ—въ суммѣ онѣ, несомнѣнно, гораздо тяжелѣе сравнительно съ условіями, въ которыхъ обучаются польскія дѣти,— русинское населеніе главнымъ образомъ русинскимъ гимназіямъ обязано тѣмъ, что процентъ русинскихъ дѣтей въ общей суммѣ учащейся молодежи не только не падалъ, но даже понемногу увеличивался за это время. Все складывалось такъ, что онъ долженъ былъ падать. Вѣдь польскія среднія школы за это время

---

[1]) Малое число учениковъ-Русиновъ въ реальныхъ школахъ, несомнѣнно, также объясняется отсутствіемъ реальныхъ школъ съ русинскимъ языкомъ: учрежденіе одной такой школы сразу подняло бы ихъ число.

[2]) Они посѣщали гимназіи съ нѣмецкимъ языкомъ; въ русинскихъ гимназіяхъ, благодаря указанной выше политикѣ польскихъ правящихъ сферъ, Поляковъ нѣтъ *вовсе*.

росли въ Галиціи, какъ грибы, сравнительно съ русинскими; всячески покровительствовалась польская молодежь; въ огромномъ (сравнительно) числѣ двинулся въ среднія школы еврейскій пролетаріатъ, ища въ образованіи выходъ изъ своего также бѣдственнаго положенія; не хочу уже говорить о чисткахъ и всякихъ стѣсненіяхъ... Но несмотря на все это, процентъ учениковъ-Русиновъ понемногу возросталъ: въ 1897 г. ученики-Русины составляли 17,79$^0/_0$ въ общей суммѣ учениковъ гимназій Галиціи (восточной и западной), въ 1898 г.—18,29$^0/_0$, въ 1899 г.—19,01$^0/_0$, въ 1900 г.—19,20$^0/_0$, въ 1901 г.—19,54$^0/_0$ [1]).

Итакъ, украинская средняя школа является жгучей потребностью въ современной Галиціи, и учрежденіе новыхъ школъ съ украинскимъ языкомъ—неотложной, вопіющей необходимостью. Такъ какъ польское большинство, конечно, не допускаетъ и мысли о преобразованіи какихъ либо школъ съ польскимъ языкомъ въ школы русинскія (оттого и сами Русины не требуютъ этого), то значитъ—необходимо учредить новыя учебныя заведенія съ русинскимъ языкомъ. Польское большинство не допускаетъ существованія ихъ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ вовсе средней школы—значитъ, необходимо учреждать параллельныя школы при существующихъ польскихъ. Если мы примемъ во вниманіе, въ какихъ стѣснительныхъ условіяхъ стоятъ русинскія дѣти въ польскихъ школахъ, то является совершенно очевиднымъ, что во всѣхъ городахъ, гдѣ число учениковъ-Русиновъ достигаетъ сотни, тамъ уже вполнѣ назрѣла нужда и необходимость въ украинской гимназіи. Если несмотря на всѣ неблагопріятныя условія—дѣйствіе предохранительныхъ клапановъ, недовѣріе къ польской школѣ среди русинскаго населенія и т. п. есть, все-таки, уже такое число, тамъ для русинской гимназіи несомнѣнно имѣется уже полный контингентъ учени-

---

[1]) За 1902 г. отчетъ даетъ процентъ очевидно невѣрный, поэтому его не привожу.

ковъ. Опытъ показалъ на прежнихъ гимназіяхъ, что тамъ, гдѣ передъ учрежденіемъ русинской гимназіи было 150—200 Русиновъ, по учрежденіи русинской гимназіи, когда она достигала полнаго числа классовъ, въ ней оказывалось до 400 и 500 учениковъ. Въ настоящее же время, когда стремленіе къ образованію въ русинскомъ населеніи все усиливается, каждая русинская гимназія имѣетъ въ будущемъ шансы развивать въ окрестномъ населеніи все большую притягательную силу.

Въ концѣ 1902—3 учебнаго года, не считая Станиславова, въ слѣдующихъ гимназіяхъ число учениковъ-Русиновъ перешло за сто: Бережаны 213 Русиновъ, Санокъ 171, Самборъ 166, Стрый 165, Золочивъ 139, Бучачъ 136, Броды 130, Дрогобычъ 125. Итого, не считая Станиславова, уже получившаго русинскую гимназію было уже три года тому назадъ *восемь* такихъ пунктовъ. Въ этомъ году, вѣроятно, число ихъ достигло десятка. Въ каждомъ изъ нихъ русинская гимназія, если бы дошла до полнаго числа классовъ, несомнѣнно имѣла бы число учениковъ гораздо болѣе нормы, признаваемой австрійскою школьною администраціею за достаточное число - двухсотъ учащихся.

Учрежденіе украинскихъ среднихъ школъ въ упомянутыхъ восьми мѣстностяхъ — это тотъ minimum, который долженъ бы быть данъ Русинамъ безотлагательно теперь же, чтобы хотя отчасти смягчить ущербъ, причиненный русинской народности въ этой сферѣ. Но о такомъ требованіи Русины не смѣютъ даже помышлять. Такъ трудно исполняется требованіе даже одной гимназіи! Каждый разъ сначала съ польской стороны поднимается крикъ о томъ, что польскому stanu posiadania грозитъ ущербъ; что Русины и безъ того занимаютъ привиллегированное положеніе въ школьномъ дѣлѣ. Вмѣсто того, дескать, чтобы учреждать русинскія гимназіи для горсти учениковъ-Русиновъ, слѣдуетъ позаботиться объ учрежденіи новыхъ польскихъ школъ во избѣжанія ихъ переполненія,—хотя, въ общемъ, ру-

синскія гимназіи не менѣе людны, чѣмъ польскія, въ среднемъ насчитывая по 500—600 учениковъ.

„Учащійся Русинъ обходится государству несравнено дороже учащагося Поляка", говорятъ Поляки. Въ дѣйствительности можно говорить только объ обратномъ явленіи. Въ интересахъ польской народности, давшей въ учебномъ году 1902/3 ок. 15.500 учениковъ, правительство содержало 40 среднихъ школъ съ польскимъ языкомъ; учениковъ-Русиновъ было свыше 4.000 при четырехъ школахъ русинскихъ; значитъ, въ интересахъ учениковъ-Поляковъ правительство дѣлало почти въ три раза больше сравнительно съ ихъ числомъ, чѣмъ для учениковъ-Русиновъ, и приходится сказать, что именно ученикъ-Полякъ дороже всего ему обходился.

Говорятъ, что для русинскихъ гимназій не найдется и преподавателей Русиновъ. Но въ дѣйствительности ихъ много преподаетъ въ польскихъ гимназіяхъ, а немало находится „въ заточеніи" въ школахъ западной Галиціи [1]). Повторяются разговоры, что русинскія гимназіи служатъ разсадникомъ дурныхъ нравовъ и національнаго антагонизма—хотя въ русинскихъ гимназіяхъ, подъ усиленнымъ надзоромъ польской администраціи, школьной молодежи въ этомъ отношеніи предъявляются требованія гораздо болѣе строгія, чѣмъ какія предъявляются молодежи польской.

Впрочемъ нужно сказать, что этимъ утвержденіямъ и предположеніямъ едва ли вѣрятъ серьезно и сами тѣ господа, которые пускаютъ ихъ въ ходъ, когда заходитъ рѣчь о русинскихъ гимназіяхъ. Причина упорнаго сопротивленія, которое оказываютъ Поляки учрежденію новыхъ русинскихъ гимназій (за счетъ государственнаго казначейства), лежитъ не въ этихъ соображеніяхъ, а въ сознаніи ими того обстоятельства, которое заста-

[1]) Я могъ насчитать (статистики такой, конечно, нѣтъ) не менѣе 15 преподавателей Русиновъ, занимающихъ, безъ сомнѣнія—противъ воли, по извѣстной уже намъ административной политикѣ, мѣста преподавателей въ среднихъ школахъ западной Галиціи.

вляетъ Русиновъ такъ упорно ихъ добиваться: польскія школы задерживаютъ культурное развитіе русинскаго населенія, а распространеніе украинской средней школы послужило бы могущественнымъ средствомъ его культурнаго подъема. Стараясь всѣми средствами сохранить политическое и національное, экономическое и культурное господство и преобладаніе польской народности надъ русинскою, польскіе круги и представляющее ихъ большинство галицкаго сейма всѣми мѣрами противодѣйствуютъ всему, что можетъ содѣйствовать подъему и развитію русинской народности—политическому, національному или культурному [1]).

V.

Галицкій сеймъ, гдѣ полновластно царитъ вполнѣ солидарное въ національныхъ вопросахъ польское большинство, благодаря принятой избирательной системѣ и установившейся подъ польскимъ режимомъ практикѣ составляющее около 90 проц. всего его состава,—можетъ служить вообще хорошимъ показателемъ національныхъ отношеній Галиціи. Я не буду, однако, пускаться въ характеристику національной тактики сейма и господствующихъ въ немъ отношеній, а ограничусь краснорѣчивымъ языкомъ цифръ сеймовыхъ бюджетовъ—они

---

[1]) Чтобы обойти формальности, связанныя съ открытіемъ русинской гимназіи (согласіе сейма) и нѣсколько успокоить настоятельную нужду въ новыхъ русинскихъ гимназіяхъ, школьная администрація прибѣгла въ послѣднее время къ обходу: вмѣсто русинской гимназіи осенью 1906 г. въ Бережанахъ открыты параллельные смѣшанные классы, съ преподаваніемъ такъ называемымъ утраквистическимъ: одни предметы преподаются на польскомъ, другіе на украинскомъ языкѣ. Послѣдуетъ ли за этимъ первымъ актомъ дальнѣйшіе, остается неизвѣстнымъ. Утраквизмъ, практиковавшійся доселѣ главнымъ образомъ въ учительскихъ семинаріяхъ, осужденъ рѣшительно и педагогическими кругами Галиціи, и общественнымъ мнѣніемъ ея, и русинское населеніе бережанскаго округа продолжаетъ домогаться учрежденія отдѣльной украинской гимназіи.

дадутъ достаточно характерный образчикъ этихъ отношеній. При этомъ, хотя вся вообще автономическая организація, находящаяся въ завѣдываніи сейма и питаемая его бюджетомъ, имѣетъ сильно выраженный польскій характеръ, я ограничусь тѣми рубриками его бюджета, гдѣ въ самыхъ ассигнованіяхъ достаточно ясно указывается ихъ національный характеръ.

Беру бюджетъ на 1904 г. [1]).

а) Въ отдѣлѣ ассигновокъ на частныя учебныя и воспитательныя учрежденія мы здѣсь видимъ:

Субсидіи школамъ и учрежденіямъ польскимъ	74.830 кронъ[2])
Школамъ и учрежденіямъ русинскимъ	10.400 „
Гимнастическимъ обществамъ польскимъ	4.600 „
Гимнаст. обществамъ польскимъ и русинскимъ.	4.000 „

(Изъ этой суммы русинскія получаютъ лишь нѣсколько сотъ кронъ, остальное польскія).

б) Въ категоріи научныхъ и просвѣтительныхъ обществъ и изданій:

Польская академія наукъ въ Краковѣ	79.000 кр.

(Одновременно сеймъ ходатайствуетъ объ увеличеніи для нее субсидіи государственнаго казначейства съ 40.000 на 50.000 кронъ).

Для ученыхъ обществъ и изданій польскихъ	6.800 кр.

Русинскому Науковому товариству ім. Шевченка (объединяющему теперь

[1]) Отчеты галицкаго сейма, 1902—3 г.—Budżet krajowy na г. 1904.

[2]) Крона—полгульдена, почти равняется франку, по теперешнему курсу ок. 40 коп.

всю научную дѣятельность галицкаго украинства и являющемуся единственнымъ русинскимъ научнымъ учрежденіемъ) . . . . 10.000 кр.

(Предъ правительствомъ въ его интересахъ сеймъ не счелъ нужнымъ ходатайствовать).

г) Польскимъ просвѣтительнымъ обществамъ и популярнымъ изданіямъ.	20.100	кр.
Русинскимъ	9.400	„

(При нѣкоторыхъ русинскихъ изданіяхъ оговаривается, что субсидія имѣетъ быть выплачена только въ томъ случаѣ, если въ изданіяхъ не будетъ замѣчено ничего вреднаго съ польской точки зрѣнія).

На изданіе учебниковъ польскихъ субсидія	3.000	кр.
На русинскіе	12.000	„
д) На театры польскіе.	119.000	„
На театръ русинскій.	18.500	„
Польскимъ учрежденіямъ художественнымъ, музыкальнымъ и пр. . .	38.900	„
Русинскимъ—ничего	—	
На пѣвческія общества.	3.000	„
На стипендіи	6.000	„

(Изъ послѣднихъ двухъ ассигнованій получаютъ кое-что и Русины).

е) Поддержаніе историческихъ памятниковъ (исключительно польскихъ) . .	48.220	кр.
Расходы администраціи (польской) архивовъ и охраны памятниковъ . .	42.320	„
ж) Польскія сельскохозяйственныя школы и общества	659.274	„
Русинскія (обществу „Просьвіта“)	4.000	„
з) Ремесленныя школы (только польскія, русинскихъ нѣтъ)	73.976	„

Практическіе курсы и учебныя мастерскія (съ польскимъ характеромъ).	191.888 кр.
Субсидіи для технич. училищъ (польскихъ)	30.332 „
Коммерческія училища (польскія)	32.000 „
и) Благотворительныя учрежденія польскія	45.000 „
Русинскія	1.800 „

Я оставлялъ въ сторонѣ тѣ ассигновки, изъ которыхъ могли получать кое что и Русины, или оговаривалъ эту возможность и вообще старался отмѣтить все, что могло имѣть характеръ поддержки культуры или національности русинской. Въ общей сложности такихъ ассигновокъ не наберется и на сто тысячъ, при милліонныхъ ассигновкахъ на цѣли польскія, на учрежденія съ польскимъ характеромъ. Ассигновки на русинскія цѣли являются лишь ничтожнымъ исключеніемъ изъ общаго правила: польское большинство смотритъ на нихъ, какъ на великодушную подачку отъ своихъ шляхетскихъ щедротъ,—нужды нѣтъ, что средства на эти ассигновки даютъ народныя массы, въ которыхъ Русины составляютъ не меньшій процентъ, чѣмъ Поляки.

Вообще вся дѣятельность, развиваемая сеймомъ, его исполнительные органы, его учрежденія имѣютъ польскій характеръ, выражаемый не менѣе, а даже еще болѣе рѣзко, чѣмъ въ казенной польской администраціи, и вся автономическая (земская) машина Галиціи представляетъ одинъ большой полонизирующій аппаратъ, бросающій только обрывки русинской народности и всѣми силами работающій для упроченія политическаго, культурнаго и національнаго господства польскаго элемента. Русинская народность, по своей слабости и обездоленности имѣющая право на особенное вниманіе мѣстнаго представительства, имѣетъ въ немъ, вѣрнѣе—въ его сеймовомъ большинствѣ, могучаго противника, пользующагося довольно значительнымъ бюджетомъ края (ок. 25 мил. кронъ) всецѣло для усиленія

элемента польскаго. Принято за принципъ въ польскихъ кругахъ, что внѣ субсидируемыхъ сеймомъ русинскихъ учрежденій и обществъ, всѣ учрежденія и институціи общаго характера должны имѣть характеръ польскій, одинаково въ польской (западной), какъ и въ русинской (восточной) Галиціи, хотя по всей справедливости въ этой послѣдней онѣ должны были бы имѣть характеръ русинскій. Но объ этомъ нечего и думать! Вѣдь польскій элементъ—господствующій, поддержаніе его является альфою и омегою сеймовой политики, и всякая ассигновка для русинскихъ учрежденій, русинскихъ обществъ разсматривается какъ небезопасный ущербъ въ полнотѣ этого господства. Галицкій сеймъ не находитъ нужнымъ считаться съ нуждами русинской народности даже настолько, насколько считается съ ними центральное правительство. Наоборотъ, какъ мы видѣли въ вопросѣ о гимназіяхъ, по мѣрѣ силъ онъ даже тормозитъ дѣйствія правительства, предпринимаемыя въ интересахъ русинскаго населенія.

Я не имѣю возможности продолжать далѣе этотъ обзоръ польско-украинскихъ отношеній Галиціи, хотя было бы очень поучительно присмотрѣться также къ отношеніямъ въ политической сферѣ, къ условіямъ экономическимъ, созданнымъ польскимъ режимомъ Галиціи, къ организаціи народнаго образованія, къ практикѣ конституціонной жизни. Но и приведенныхъ мною фактовъ, я думаю, достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ національныхъ отношеній Галиціи и вліяніи, какое оказываютъ они на вопросы культурнаго и общественнаго развитія, и прочитавшему предшествующія главы не покажутся, надѣюсь, голословными мои общія замѣчанія относительно того нравоученія, которое защитники польскаго режима стараются извлечь изъ галицкихъ польско-украинскихъ отношеній для такихъ же отношеній Россіи.

Галичина послужила пробнымъ камнемъ для польско-украинскихъ отношеній въ новыхъ условіяхъ конституціоннаго государства. Какъ сложились эти отношенія,

мы видѣли. Пользуясь тѣми преимуществами, какія давало имъ крупное землевладѣніе, наличностью нѣкоторыхъ культурныхъ средствъ (значительныхъ впрочемъ только въ сравненіи съ полнымъ отсутствіемъ ихъ у Русиновъ) и нѣкоторой интеллигенціи (также самой по себѣ очень небольшой), Поляки, т. е. верхніе слои польской народности, постарались использовать конституціонныя формы лишь для утвержденія полнаго и прочнаго господства своего класса и своей народности. Захвативъ въ свои руки управленіе и представительство края, они придавили совершенно народность украинскую и связали ее, вмѣсто прежнихъ „цѣпей крѣпостныхъ“, густою сѣтью болѣе тонкихъ, но прочныхъ узъ. И сдѣлала это не какая либо группа мрачныхъ крѣпостниковъ. Въ этой „органической работѣ“ (praca organiczna), какъ называютъ ее Поляки, видную роль сыграли выдающіеся представители польскаго общества, либералы и патріоты, „борцы за нашу и вашу вольность“ [1]), умѣвшіе передъ тѣмъ смѣло и самоотверженно выступать въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ — австрійскимъ централизмомъ, — но не сумѣвшіе найти руководящей идеи справедливости и гуманности, когда пришлось установить отношеніе къ слабѣйшимъ—къ русинской народности, „за вольность“ которой мнили они себя борцами... Въ этомъ станѣ господствующихъ оказалось много выходцевъ и изъ Россіи, участниковъ демократическихъ, свободолюбивыхъ движеній. Ихъ на первыхъ порахъ отношенія къ Русинамъ шокировали иногда довольно сильно, но скоро они осваивались съ галицкими отношеніями. И теперь, напр., среди крайнихъ націоналистовъ, т. н. вшехполяковъ также можно немало указать выходцевъ изъ Россіи. Эти выходцы собственно и создали даже вшехпольское движеніе...

---

[1]) Такъ называются участники польскихъ возстаній, старавшіеся привлечь къ участію также и русинское населеніе и называвшіе, а иногда и искренно считавшіе себя борцами за вольность не только польской, но и русинской народности Галиціи.

Эпизодъ достаточно поучительный и для россійской Украины. Западная часть ея—Подолія, Волынь, не говоря уже о Побужьѣ (Холмщина и Подляшье)—долго жила въ однихъ условіяхъ съ Галичиною и очень сильно напоминаетъ теперь ея состояніе передъ конституціонной эрой Австріи. Все почти крупное землевладѣніе въ рукахъ Поляковъ; они составляютъ верхній слой мѣстнаго населенія; они, главнымъ образомъ, представляютъ мѣстную интеллигенцію. Мѣстное украинское населеніе темно и безпомощно. При отсутствіи украинскихъ интеллигентныхъ силъ, оно стоитъ еще въ худшемъ положеніи сравнительно съ галицкимъ русинскимъ населеніемъ, благодаря отчужденію отъ народныхъ массъ мѣстнаго духовенства, составившаго въ Галиціи какъ ни какъ первые кадры русинской интеллигенціи, хотя бы и не особенно высокаго качества.

Какъ въ Галичинѣ, такъ и въ упомянутыхъ мѣстностяхъ Западной Украины, шансы коренного украинскаго населенія, несмотря на его полное численное преобладаніе, въ настоящее время, несомнѣнно, стоятъ хуже, чѣмъ мѣстной польской народности. Польское населеніе было ограничено до сихъ поръ въ своихъ гражданскихъ и имущественныхъ правахъ,—это правда. Но мѣстному украинскому населенію это никакого преимущества не давало. Массы оставались и остаются въ экономической зависимости отъ польскаго владѣльческаго класса, а при сохраненіи существующихъ порядковъ въ будущемъ имъ грозятъ также и иныя категоріи зависимости. При всѣхъ стѣсненіяхъ, польскій элементъ и теперь, сравнительно съ украинскимъ, занимаетъ фактически привиллегированное положеніе, благодаря имущественному преобладанію. Въ отношеніи культурномъ и національномъ польская народность была поставлена въ условія несравненно болѣе благопріятныя.

Вызвавшая мои замѣчанія статья неизвѣстнаго мнѣ Поляка изъ Юго-западнаго края, взявшаго въ оборону польско-украинскія отношенія Галиціи и доказываю-

щаго, что эти отношенія совершенно соотвѣтствуютъ „національной справедливости", не можетъ не быть оцѣнена какъ симптомъ весьма непріятный,—тѣмъ болѣе, что я не вижу, чтобы кто-нибудь изъ его ближайшихъ земляковъ заявилъ, въ какой-угодно мягкой формѣ, свою несолидарность съ такимъ пониманіемъ національной справедливости въ польско-украинскихъ отношеніяхъ. Если кто ищетъ реальныхъ фактовъ, тому достаточно напомнить недавнія событія въ Холмщинѣ, гдѣ проблескомъ раскрѣпощенія мѣстныхъ отношеній польское общество воспользовалось далеко не въ духѣ „національной справедливости". Въ продолженіе тридцати лѣтъ выступало оно въ роли защитника и покровителя насильственно упраздненной уніи, теперь же, когда указъ о вѣротерпимости открывалъ возможность возстановленія уніи и возвращенія мѣстнаго украинскаго населенія къ вѣрѣ отцовъ, за которую оно столько претерпѣло—польское общество не только не поддержало стремленій къ возобновленію уніи, но отнеслось къ нимъ даже враждебно. Въ польскихъ органахъ и кругахъ открыто заявляли, что возстановленіе уніи было бы не въ интересахъ польской національности, и „общество покровительства уніи" въ своихъ циркулярахъ поручало бывшимъ уніатамъ, не упоминая объ уніи, требовать причисленія ихъ къ католичеству, а заявлять желанія о возстановленіи уніатской церкви рѣшительно отсовѣтывало. Нужно ли говорить, что въ основѣ этого привлеченія бывшаго уніатскаго украинскаго населенія къ католичеству лежали и лежатъ мотивы національные? Вмѣсто того, чтобы помочь украинскому населенію въ его культурно-національномъ самоопредѣленіи, польское общество постаралось и тутъ использовать представившуюся возможность для усиленія польской стихіи въ ущербъ украинской.

Я не сомнѣваюсь, что среди Поляковъ Юго-западнаго края и вообще среди Поляковъ Россіи есть немало людей, чуждыхъ стремленій „воинствующей

Польши"—Poloniae militantis. Но они очень слабо себя проявляютъ. Я не встрѣтилъ указаній, чтобы съ этой стороны раздался трезвый предостерегающій голосъ по уніатскому вопросу. Не вижу, чтобы вызвалъ сколько нибудь рѣшительный протестъ съ этой стороны подмѣнъ понятія этнографической Польши Польшею 1815 г. или такъ называемымъ Привислянскимъ краемъ, причемъ въ границахъ автономиой Польши имѣли бы остаться украинскія, бѣлорусскія и литовскія территоріи нынѣшняго Привислянскаго края, совершенно случайно включенныя въ него [1]). Не вижу, чтобы кто-нибудь обратилъ вниманіе на невозможность обойти интересы украинской или бѣлорусской народности, когда вводится въ школу или дѣлопроизводство языкъ польскій и т. п.

Все это явленія, затрогивающія очень сильно вопросы національной справедливости, и мы вправѣ бы ожидать, что передовые элементы польскаго общества, заявляющіе о своемъ полномъ несочувствіи воинствующей Польшѣ, отозвутся на нихъ вполнѣ опредѣленно, чтобы не было основанія судить о Полякахъ вообще по воинствующимъ ихъ представителямъ. Иначе сами эти элементы малоцѣнны. Въ Галиціи также нѣтъ недостатка въ людяхъ, готовыхъ заявить въ частной бесѣдѣ, съ глазу на глазъ, свое сожалѣніе относительно проявленій польскаго шовинизма и свою надежду, что національныя отношенія со временемъ потеряютъ свою остроту. Но такія платоническія заявленія никакой цѣнности не имѣютъ, и такъ какъ ихъ носители обыкновенно ограничиваются только платоническими чувствами, предоставляя вести національную политику представителямъ агрессивной, воинствующей Польши, то съ стремленіями и настроеніями этой послѣдней, а не тѣхъ „сочувствующихъ" элементовъ и приходится поневолѣ намъ считаться въ Галиціи, и точно также— въ Россіи.

---

[1]) См. статью: „За украинскую кость" въ моемъ сборникѣ „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ".

Несомнѣнно, огромное большинство украинской интеллигенціи въ Россіи относится къ Полякамъ безъ всякой предвзятости и вражды. Даже болѣе. Установленіе modus vivendi въ раскрѣпощенныхъ отношеніяхъ представляется ей въ видѣ очень привлекательной національной гармоніи. Знаю это по себѣ и не сомнѣваюсь, что такое настроеніе довольно распространено и теперь. Выразителемъ его является нашъ поэтъ, протягивающій руку своимъ товарищамъ по изгнанію—Полякамъ и приглашающій ихъ общими силами „возобновить тихій рай“, забывъ историческій споръ, вызванный „несытими ксендзами и магнатами“... Но намъ, младшимъ поколѣніямъ, на глазахъ которыхъ вмѣсто „тихаго рая“ былъ аранжированъ съ благосклоннымъ участіемъ подобныхъ бывшихъ изгнанниковъ и узниковъ „за нашу и вашу вольность“ настоящій зубоскрежущій адъ на одной изъ частей украинской территоріи—въ Галиціи,—приходится смотрѣть трезвѣе на дѣйствительность и не скрывать отъ себя трудностей, лежащихъ на пути къ установленію желательныхъ національныхъ отношеній.

Историческія отношенія Польши и Украины сводятся къ тому, говоря безъ обиняковъ, что украинская народность была обобрана польскою: Она завладѣла богатствами Украины—ея землями. Она втянула въ себя въ теченіе вѣковъ все, что появлялось болѣе выдающагося въ украинской средѣ и низвела украинскую народность до массы работниковъ, трудящихся на представителей польской народности и культуры. Это звучитъ непріятно, но нужно имѣть мужество, по крайней мѣрѣ, назвать по имени этотъ историческій процессъ, плодами котораго пользуется и теперь польская народность. Не возобновляя исторической тяжбы, нужно признать, однако, что національная справедливость налагаетъ на Поляковъ освобожденной Россіи не легкую, но благодарную задачу—воспользоваться тѣми матеріальными средствами, которыя собрали въ ихъ рукахъ предки—завоеватели и угнетатели, для возрожденія

экономическаго и культурнаго подъема тѣхъ народностей, на счетъ которыхъ создалась сила, значеніе и привиллегированное положеніе народности польской: населенія украинскаго, бѣлорусскаго и литовскаго. Если Поляки Украины, Бѣлоруссіи и Литвы станутъ на эту точку зрѣнія, если они почувствуютъ себя гражданами того края, привиллегированное положеніе въ которомъ создала имъ исторія,—призванными трудиться для блага его рабочихъ массъ безъ различія ихъ національности, для интересовъ края вообще—то желательный modus vivendi тѣмъ самымъ установится. Если же свои матеріальныя и культурныя преимущества, свое привиллегированное положеніе Поляки будутъ стараться использовать только для своихъ національныхъ цѣлей, если этими преимуществами и тѣми возможностями, какія конституціонный строй открываетъ классамъ національно и культурно лучше вооруженнымъ, они будутъ пользоваться только для того, чтобы усилить польскій элементъ, расширить сферы его вліянія, создать ему превалирующее положеніе—то modus vivendi установить будетъ трудно. Дѣятельность ничего не забывшей и ничему не научившейся польской шляхты Галиціи въ такомъ націоналистическомъ направленіи только оживила вѣковой національный споръ. Если такую дѣятельность Поляки россійской Украины или иного края примутъ за образецъ, за формулу національной справедливости, то о modus vivendi нечего и говорить...

Мои слова, вѣроятно, для многихъ зазвучатъ рѣзко и непріятно, и мнѣ самому тяжело говорить все это. Но я долженъ былъ исполнить долгъ историка и гражданина того края, о которомъ идетъ рѣчь, въ рѣшительный моментъ его исторіи. И я хотѣлъ бы вѣрить, что мои слова найдутъ сочувственный откликъ въ тѣхъ элементахъ польскаго общества, чуждыхъ національнаго шовинизма и сознающихъ свои обязанности предъ воспитавшими ихъ народными массами, о которыхъ я говорилъ.

Но каково бы ни было настроеніе польскаго и укра-

инскаго общества, всѣмъ трудящимся надъ перестройкой политическихъ и общественныхъ отношеній Россіи, частнѣе—Россіи Западной, съ ея сложнымъ и тяжелымъ наслѣдствомъ Исторической Польши, нужно думать о созданіи формъ политическихъ и общественныхъ отношеній, обезпечивающихъ ея населенію возможность культурнаго и общественнаго развитія независимо и отъ этихъ настроеній и отъ надеждъ на благопріятное ихъ направленіе. Галиція даетъ краснорѣчивый урокъ, какъ опасны надежды на то, что съ простымъ, бумажнымъ признаніемъ права народностей на самоопредѣленіе, или ихъ равноправности, все само собою „образуется". Она призываетъ къ самому внимательному отношенію къ національному вопросу, безъ тщательнаго разрѣшенія котораго самъ по себѣ конституціонный режимъ не много подвинетъ насъ къ разрѣшенію проблемы соціально-политическихъ отношеній при наличности напряженныхъ національныхъ отношеній, традицій господства съ одной стороны, упорнаго сопротивленія съ другой.

Вся культурная и экономическая исторія Галиціи послѣднихъ лѣтъ является громкимъ протестомъ противъ подмѣны автономіи національно-территоріальной автономіей областей, составленныхъ изъ разноплеменныхъ территорій и отданныхъ въ безконтрольное распоряженіе господствующимъ національно-классовымъ группамъ. Предостерегая противъ политики laisser faire, laisser passer точно такъ же въ средѣ національно-политическихъ, какъ и экономическихъ отношеній, она настойчиво указываетъ на необходимость сочетать автономную организацію съ тщательнымъ устроеніемъ національныхъ отношеній. Выдѣленіе національныхъ территорій и организація автономіи на началахъ національно-территоріальныхъ является однимъ изъ весьма важныхъ моментовъ въ сферѣ устроенія національныхъ отношеній; обезпеченіе правъ національнаго меньшинства—другимъ важнымъ моментомъ. При наличности этихъ условій и съ соблюденіемъ широкой демократизаціи во всемъ строѣ, вплоть до экономическихъ отно-

шеній, съ проведеніемъ принципа децентрализаціи и автономности въ глубину областной организаціи, автономія является могущественнымъ двигателемъ свободнаго, нестѣсненнаго общественнаго развитія. Безъ нихъ она очень легко можетъ служить только подаркомъ для группы, класса или народности, преобладающей экономически или политически.

Въ Западной Россіи съ этимъ нужно особенно серьезно считаться.

ЗАПИСКИ

НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА ІМЕНИ ШЕВЧЕНКА,

український науковий журнал,

присьвячений передовсім українській історії, фільольогії й етнографії,

виходить під редакцією **М. Грушевського**, що два місяці книжками по 15 аркушів.

XV рік видання.

Розвідки з наук історичних і фільольогічних, матеріали й замітки, перегляд часописей українських й иньших (до двіста часописей), критичні оцінки й реферати з наукової літератури, що дотикає українознавства.

Передплата в Росії 6 руб. на рік, поодинокі книжки по 1 р. 50 коп.

Посилати передплату на адресу: Львів (Lemberg) Австрія, Чарнецкого 26, Наук. тов. ім. Шевченка (Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften), або через контору Літературно-Наукового Вістника, Київ, Прорізна 20.

Въ продажѣ имѣются

еще слѣдующія сочиненія и изданія автора.

Історія України-Руси, 2 изд.; т. I, II і III, 1904—5, по	3 р. 60 к.
т. IV, 2 изд. (печатается) .	3 „ 50 „
т. V, 1 изд., 1905	3 „ 60 „
т. V, часть вторая отдѣльно	1 „ 75 „
т. VI, 1 изд.	3 „ 50 „
Розвідки й матеріали до історії України-Руси, кн. II—V	5 „ 50 „
Люстрації королївщини в руських землях XVI в., т. I—IV (Жерела до історії України-Руси, т. I, II, III і VII)	8 „ 00 „
Вступний виклад з історії давньої Руси, 1894 .	0 „ 10 „
Виїмки з жерел до історії України-Руси кн. I— до пол. XI в., 1895	1 „ 00 „
Описи Ратенського староства, 1898	0 „ 30 „
Хмельницький і Хмельнищина, 2 изд., 1899 . .	0 „ 10 „
Звенигород галицький, 1899	0 „ 35 „
Похоронне поле в с. Чехах, 1899	0 „ 30 „
Справа українсько-руського унїверситету у Львові, 1899	0 „ 25 „
Хронольогія подій Галицько-волинської лїтописи, 1901	0 „ 50 „
Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва	0 „ 25 „
Економічний стан селян в Львівській королїв- щинї XVI в., 1903	0 „ 10 „
Звичайна схема „русскої“ історії й справа раціо- нального укладу історії східнього словян- ства, 1904	0 „ 10 „
Етнографічні категорії й культурно-археольогічні типи в сучасних студіях східньої Европи, 1904	0 „ 15 „
Спірні питання староруської етнографії, 1904 . .	0 „ 25 „
Матеріали до історії суспільно-полїтичних і еко- номічних відносин Західньої України, ч. I, 1905	1 „ 50 „

Про давні часи на Україні (популярная исторія Украины съ иллюстраціями) 1907 . . . . . — р. 20 к.
За українській маслак (в справі Холмщини), 1907 — „ 8 „
Справа українських катедр і наші наукові потреби, 1907 . . . . — „ 15 „
Збіжучої хвилї. Статї на теми дня (печатается).
Про українську мову й українську справу. Статї й замітки (пачатается) . . . .
Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія, 1891 . . . . 2 „ 75 „
Волынскій вопросъ 1098—1102 г., 1891 . . . . — „ 30 „
Къ вопросу о Болоховѣ, 1893 . . . . — „ 15 „
Барское староство, историческіе очерки, 1894. . 2 „ 25 „
Акты Барскаго староства т. I—II, 1893—4 (Архивъ Югозап. Россіи, ч. VII, т. 1 и 2) . . . . . 4 „ —
Львовское Ученое общество им. Шевченка и его вклады въ изученіе Южной Руси, 1904 . . — „ 30 „
Еще о грамотахъ кн. Льва галицкаго (по поводу статьи проф. Линниченка), 1904 . . . . . — „ 15 „
Очеркъ исторіи украинскаго народа 2 изд., 1906 2 „ 50 „
Украинство въ Россіи, его запросы и нужды, 1906 — „ 25 „
Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. Статьи и замѣтки . . . . 1 „ 25 „
Украинскій вопросъ . . . . — „ 15 „
Единство или распаденіе Россіи? . . . . — „ 8 „
Автономія и національный вопросъ . . . . . . — „ 8 „
Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX ст. . . . . — „ 8 „
Вопросъ объ украинскихъ каѳедрахъ и нужды украинской науки . . . . — „ 20 „
Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи. Нѣсколько иллюстрацій къ вопросу: автономія областная или національно-территоріальная — „ 30 „
Geschichte des ukrainischen (ruthenischen) Volkes, autorisierte Uebersetzung aus der 2 ukrainischen Ausgabe, I Band (Komissionsverlag von B. G. Teubner in Leipzig) . . . . . 18.00 Mark.

Склады въ книжныхъ магазинахъ: Наук. товариства ім. Шевченка въ Львовѣ,1 Театральна 1 (Lemberg, Theaterstr. 1, Schewtschenko-Buchhandung), „Кіевской Старины“ въ Кіевѣ, Безаковская, 8, *Н. П. Карбасникова*, М. В. Пирожкова и „Общественной Пользы“ въ С.-Петербургѣ, и др.

